

Николай Иванович Пирогов
(1810–1881)

Университетский вопрос

Пирогов Н. И. Избранные педагогические сочинения.
М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1953. С. 324–393.

Статья «Университетский вопрос» была впервые напечатана в 1863 г. отдельной брошюрой под названием «Дополнение к замечаниям на проект общего устава императорских российских университетов. Университетский вопрос Н. И. Пирогова, СПб., 1863».

Ist es ernst?¹

Я думаю, что первообразы университетов были ближе нашего к идеалу. Основанные передовыми людьми своего времени, они были настоящими и единственными представителями современной науки. Не было различия между академией и университетом. Кто двигал науку вперед, тот и учил. Учение приноровлялось к науке, а не к знаниям учеников. До возраста учащихся не было университету никакого дела. И учителя, и ученики были общими сподвижниками науки, commilitones². С развитием гражданственности, с распространением просвещения в массах, не могла сохраниться первобытная чистота идеала. Правительства, церковь, общество заявили свои требования. Безусловность чисто научных стремлений не могла устоять против условий жизни.

И вот, мы видим, уже давно, университеты не чисто научными, а правительственными, церковными, учебно-общественными и национальными учреждениями. Давно внесены уже в университеты начала, чуждые его идеалу. Церковный догмат, бюрократизм, элементы: национальный, филантропический и воспитательный попеременно обусловливают и изменяют чисто научные, университетские стремления. Сама наука, все более и более проникая в жизнь общества, выносит из нее и с собой в университеты прикладное, утилитарное направление. Наконец, университеты в системе общественного образования занимают высшее место в ряду школ, а чисто научное начало, отделяясь от учебного, переходит в академии.

Что же университет в наше время?

¹ Серьезно ли это?

² Соратники.

Его можно определить более отрицательно, чем положительно. Можно сказать, что он перестал быть учреждением чисто научным, т. е. таким, которое назначено удовлетворять одной потребности знания. Большинство в нем учится с известной практической целью. В нем готовятся для общества: служители церкви, судьи, врачи и наставники. Но нельзя его назвать и специально-учебным учреждением. Тогда он перестал бы быть университетом. Тогда соединение всех факультетов в одно целое — существенная характеристика университета — перестала бы быть существенной. Сверх того, университет не есть специально-учебное учреждение и потому, что многие науки в его факультетах не изучаются так специально, как этого требует их современное состояние. Нельзя считать нынешний университет и таким учебным учреждением, которого целью было бы одно высшее общечеловеческое образование. Его факультеты для этого слишком уже специальные. Нынешний университет не открыт для любознательности различных возрастов, полов и условий. Большинство учащихся в нем состоит из молодых людей известного пола и возраста. Но он не есть и воспитательное заведение. Оставшуюся в некоторых университетах от средних веков администрацию, конечно, никто не будет считать за настоящий воспитательный элемент. Наконец, ни один университет в свете, несмотря на название, не представляет всеобъемлющего научно-учебного учреждения. Ни один университет не есть универсальный представитель современной науки, во всех ее проявлениях.

Во всех странах мы видим множество высших учебных и специально-научных учреждений, которые возникают возле университетов и не имеют с ним ничего общего. И ни в одном университете мы не находим кафедр не только всех, но даже и половины современных наук. Не находим ни одного университета, снабженного пособиями для полного изложения всех научных предметов на деле, хотя везде замечается стремление к сближению науки с жизнью.

Итак, все, даже до самого названия, неопределенно в университете настоящего времени.

Задача о цели и назначении его делается еще неопределеннее, если мы, с некоторыми моралистами, перенесем вопрос далее, на другую почву, и спросим: есть ли научное образование человека конечная цель или только средство к чему-то другому, еще высшему? Но, не заходя так далеко, остановимся покуда на ближайшем и более нам доступном.

Знать и уметь приложить знание к делу и жизни — эти два стремления умственной деятельности человека проявляются при самых первых зачатках общества. Они проявились и при учреждении университетов. Но одно из них преодолевает другое.

Жизнь общества, с ее прикладными стремлениями, берет перевес над чисто научным. Поэтому прикладное направление не замедлило обнаружиться в университетах.

Это и не могло быть иначе. И правительство, и церковь, и общество не могли не воспользоваться университетами для достижения своих целей. И странно было бы, с их стороны, выпускать из рук такой сильный рычаг. |

:325

Но для прикладного, для утилитарного, которое с каждым днем все более и более усиливается в нашем обществе, университеты одни сделались уже недостаточными. Для прикладного, которое пересилило чисто научное стремление, понадобились еще другие, более практические, учреждения; оно даже перешло и в те школы, которых прямое назначение было готовить только к университету. И от них начали требовать, чтобы они готовили прямо к вступлению в жизнь. Это утилитарное стремление грозит реформой университетам. Оно все более и более разрывает органическую связь между факультетами. В одной стране (Франции) удалось ему почти совсем прервать эту связь.

Покуда, однако же, чисто научное начало еще живет в университетах, и к чести человечества нужно думать, что оно никогда не умрет; оно еще снабжает их свежими силами; еще готовит передовых людей обществу; еще борется с прикладным и этой борьбой облагораживает его. Чисто научное не рассталось еще с учебной деятельностью и не вышло совсем из университета в академию. Как ни мельчает это направление, как ни сгромазживается научный материал, как ни распадается наука на множество отраслей, как, наконец, правительство, церковь и общество ни обусловливают чисто научное направление, — университеты не перестают еще сознавать и поддерживать духовную связь наук и не перестают стоять за свободу науки. В этой борьбе, в этом высоком стремлении — все достоинство нынешнего университета.

Но, как бы ни было неопределенно значение современного университета в Европе, мы видим, что оно выражается пред нами более или менее ясно в трех направлениях. Одно из них, которое более других напоминает средневековое происхождение, еще довольно сохранило чисто научный вид, едва сделав некоторые уступки современным требованиям; но, вместе с тем, оно и всего более подчинилось влиянию церкви и сословия, приняв характер воспитательный, выразившийся и в учебной стороне, и в целой жизни учреждения. Другое, удерживая от средневековой жизни одно только корпоративное начало и уступая более вопиющим требованиям современной жизни, соединило в себе чисто научное с прикладным. Отстаивая упорно свободу и самостоятельность научного элемента, оно не раз должно было уступать и влиянию церкви и бюрократизма, но устояло, — не сделалось ни церковным, ни сословным, ни бюрократическим и сохранило в себе

еще духовную связь наук и свою дорогую *Lehr und Lernfreiheit*³. Третье, наконец, удержав от средних веков одни береты и тоги профессоров да название университета, поддавшись совершенно централизующей власти правительства и сохранило научный характер, благодаря только способностям и прогрессивным стремлениям нации. Университет, при этом направлении, сделался одним номинальным и бюрократическим центром разных учебных учреждений. :326

Что же такое наш университет в России?

Если трудно было сказать что-нибудь положительное и общее о современном университете в Европе, то еще труднее это сказать про наш. В нем еще более отрицательного, еще менее положительного. Он не есть учреждение ни реальное, ни свободно научное, ни специальное, ни общеобразовательное, ни воспитательное, ни церковное, ни сословное, ни средневековое — корпоративное, ни филантропическое, ни чисто бюрократическое.

Между тем, каждое из этих начал внесено в него в известной степени. Положительного про наш университет можно сказать только то, что он есть учреждение правительственное и учебное, с значительным бюрократическим оттенком и с некоторой примесью корпоративного, воспитательного и филантропического характера. Созданный, как и большая часть германских университетов, правительством, он никогда не был так формально подчинен влиянию господствующей церкви, как многие из этих университетов, хотя в учении и не мог отступать от догмы православия. Основанный сильной централизующей властью, в то время, когда образование нуждалось еще во внешнем поощрении сверху, он по необходимости должен был принять в себя бюрократическое начало, которого резкий формализм должен был, также необходимо, смягчиться и ослабнуть под влиянием научного элемента. Не имея вовсе средневековых преданий, возникший в обществе, вовсе не имеющем цеховых стремлений, наш университет никогда не мог сделаться ни настоящей корпорацией, ни настоящим сословным учреждением. Но некоторые права и коллегиальное начало, внесенное в него уставом, а главное — одинаковость или сходство целей, занятий, воспитания и возрастов — успели развить в нем товарищество или что-то похожее на корпорацию; резкое же различие в правах и образованности сословий сделали его более или менее сословным. Устроенный по образцу германских университетов, стремившихся к свободе учения, он не мог получить определенный, воспитательный характер. Но исключительно для него регламентированный полицейский надзор заставил думать, что в нем действительно *воспитываются* молодые люди, так же как бursы, стипендии и казенно-

³ Свобода преподавания и изучения.

кошество могли заставить думать, что университет есть филантропическое учреждение.

При такой неопределенности характера и основных начал, еще менее определенно должно было выразиться направление. Правительство, учреждая университет, очевидно, имело нужду и в специалистах, и вообще в образованных людях. Оно желало через университет получить и тех, и других. Оно желало развить в обществе присущую ему способность знать и уметь приложить свое знание. Оно учреждало новые и преобразовывало существовавший уже университет, в то время, когда в современном европейском обществе начинали значительно развиваться утилитарные стремления, и потому прикладное должно было развиваться на счет чисто научного. Мало этого, — чисто научное и не могло быть в нашем университете преобладающим началом. Он не был обязан, как некоторые из средневековых университетов, передовым людям общества. Дух же и стремления централизирующей власти и самый дух нации более благоприятствовали прикладному, чем чисто научному. Не было ни борьбы направлений, ни духовной связи между факультетами, ни средневекового корпоративного элемента, который бы также стремился поддержать эту связь. Да и прикладное направление, не выработавшееся наукой на родной почве, не могло развиваться и идти прогрессивно вперед. Поощряемое только извне, искусственной регламентацией государства, оно могло только отчасти удовлетворять вопиющим его потребностям.

Итак, наш университет отличается совершенно от средневекового английского тем, что он нисколько не церковный, не корпоративный, не общественный, не воспитательный. Наш университет похож только тем на французский, что в него внесен — и еще сильнее и оригинальнее — бюрократический элемент; но он не есть еще департамент народного просвещения, как французский, и факультеты в нашем еще не лишены так взаимной связи, как в том. Наконец, наш университет еще менее похож на германский, который ему служил образцом, потому что в нем нет самого характеристичного: полной *Lehr und Lernfreiheit* и стремления научного начала преобладать над прикладным и утилитарным.

И вот, для нас наступило время реформ. В чем же должна состоять наша университетская реформа? Тут немецкий вопрос: *ist es ernst?* — я думаю не так ненужен, как оно, может быть, кажется. *За правду* можно делать только то, что *внутренне необходимо* и, при данных условиях, *возможно*.

Нет сомнения, внутренняя необходимость, в определенном направлении и в большей ответственности с современными требованиями науки и общества ощущается почти всеми, кому университеты близки к сердцу или сколько-нибудь известны. Даже и в германских университетах слышатся голоса о реформах.

В них нет уже прежнего наплыва студентов; утилитарные школы многих уже отвлекли, да большинство и посещающих не остается верным университетскому призванию. У нас, напротив, хотя число учащихся и растет, но вряд ли находит то, чего ищет, и вряд ли ищет того, что может дать университет. Это потому, что направление нашего университета еще вовсе не определилось. Ва- :328 кантные кафедры его трудно замещаются. Это потому, что внутренняя, динамическая жизнь университета слаба до чрезвычайности. Материальное существование его членов не обеспечено. Научные и учебные средства недостаточны. Это значит, что и материальная сторона университета также скудная, хотя и относительно. Итак, причин внутренних, вызывающих реформу, довольно. Но, несмотря на это, если мы будем откровенны, то согласимся, что все-таки самый главный толчок, заставивший у нас так деятельно заняться реформой университета, был дан обстоятельством чисто внешним — студенческими беспорядками. Оно внешнее потому, что не зависело от университета, — это я постараюсь доказать после, если это еще требует доказательств.

Но, как бы то ни было, если внутренняя необходимость реформы несомненна, то другое дело — вопрос о ее возможности при существующих условиях. Не говоря уже об условиях финансовых, — без которых ничего решать нельзя, — трудность его решения представляется еще с разных сторон.

Во-первых, если инициатива реформы в правительственном университете и принадлежит самому правительству, то все-таки она не иначе может быть приведена в исполнение, как силами самого же университета. А существуют ли эти силы налицо?

Во-вторых, правительство, реформируя, должно постоянно сообразоваться с тем, насколько реформа совместна с основными началами государства. Тут будет идти дело о том, как согласить требования современной науки с требованиями самого государства. А это возможно не вполне, а только в некоторой степени.

В-третьих, реформа предпринимается и для того, чтобы удовлетворить потребностям общества. Но там, где общественное мнение еще не окрепло, где взгляды еще до того не установились, что университет является и учащимся, и отцам, и даже учащим, в самых разнохарактерных, нередко странных, видах, — там угадать истинные потребности общества хотя и можно (смотря на него сверху), но удовлетворить, с сознательной пользой для всех, едва ли возможно.

Не исполнив же этих трех условий, реформа не будет внутренняя и легко превратится в одну внешнюю регламентацию. Что же делать? Не предпринимать реформы? Это значило бы отказаться от всякого прогресса, который сделался уже жизненной и потому безотлагательной потребностью. И если при реформе нельзя ни-

как обойти эти три условия, то нужно, по крайней мере, сделать то, что имело бы как можно более шансов их сгладить.

Всякая реформа есть эксперимент. А в новом эксперименте, как бы осторожно ни пробовали, всегда есть два черных шара: или он будет сделан неудачно, или он окажется неспособным разрешить ту задачу, для решения которой был сделан. Против первой неудачи могут помочь только личные качества экспериментаторов, а против второй — правило: испробовать решение не одним, а несколькими путями, и особенно, когда имеем перед собой вопрос сложный. Почему же и в сложном деле университетской реформы не испробовать несколько путей? Почему бы реформа должна была у нас выразиться непременно одним и тем же уставом для всех университетов? Взгляды на значение университетов вообще не везде еще установились, а наши университеты в России совсем не так одинаковы, как это можно заключить из того, что для них пишется один и тот же устав. Разлада и неурядицы от разнообразия университетов опасаться нечего. При разнообразном характере одного и того же учреждения правительственной власти еще легче убедиться, где, чем и почему лучше, или где, чем и почему хуже. Тут есть только одно кажущееся неудобство: это — то, что разнообразие эксперимента, или реформы, противоречит началу централизации. Но в деле науки централизация и без того невозможна, а в деле управления разнообразность университетов скорее поможет, чем повредит истинному, неформальному, внутреннему порядку. Если различная организация и нарушит внешнюю связь университетов, зато скорее выработается из нее другая, внутренняя связь, которая более удовлетворит требованию общества — знать и уметь приложить знание к делу.

Итак, из трех условий, затрудняющих возможность коренной реформы нашего университета, первое — это адинамия, слабость жизненных его сил. Без воздействия этой силы всякая реформа останется внешней регламентацией. Источник этой силы — наука, которая олицетворяется в коллегии профессоров. Но жизнедеятельность коллегии была так слаба в нашем университете, что она никогда не могла восстанавливаться сама собой. Правительство пытается восстанавливать его периодически свежими силами и предотвращать бессилие. В течение 30 лет во второй уже раз делается эта попытка. Она, как известно, состоит в том, что молодые волонтеры, более или менее соответствующие будущему их призванию, высылаются разом, — en masse в заграничные университеты, для специального образования. Как бы ни казался искусственным и даже насильственным этот эксперимент, он вызван необходимостью. На него указал старик Паррот — и не ошибся. При второй регламентированной реформе, в 1836 г., этот опыт дал средство отдалить, по крайней мере на время, угро-

жавшую атрофию. Дерптский университет, который тем отличается от других русских университетов, что он возобновляет свои силы, заимствуя их прямо от Запада, казался тогда Парроту самым удобным местом приготовления, искусства и сближения будущих членов коллегии. И в этом он тогда не ошибся. Но он ошибся в том, что думал найти в этой попытке такое средство, которое заставит жить наши университеты собственной жизнью. Второй опыт, предпринимаемый ровно чрез 35 лет после первого, доказывает несостоятельность расчета. Теперь уже, верно, никто так рассчитывать не будет. Теперь нужно подумать, как бы упрочить жизнь коллегии более надежным способом. Для этого нужно вникнуть, почему в ней самой нет достаточного фонда производительной силы.

И вот, прежде всего, бросается в глаза материальная сторона дела: необеспеченное существование лиц и недостаток средств. Как первое, так и второе, доказано уже математически. Но дело в том, что эта причина, как бы она главной ни казалась, все-таки не главная. Увеличивая материальные средства к существованию и исполнению обязанностей, мы отнимем у людей повод и предлог делать худое, но никак еще не сделаем их хорошими и, еще менее, лучшими. Правительство или общество, давая эти средства, получает нравственное, внутреннее право, внешнее оно имеет всегда, требовать точного исполнения известных обязанностей, и только. Но кто не знает, что в деле науки одно «исполнение обязанностей», как бы оно ни было формулировано, еще не придаст ей ни силы, ни жизни.

Профессор, аккуратно преподающий в законные часы, составляющий учебники, пишущий все отчеты и потому имеющий полное право требовать, чтобы и его существование, и его учебная деятельность были обеспечены всеми средствами, — может быть, все-таки не тот, который необходим для самостоятельной и производительной жизни коллегии. И потом, обеспечив только существование людей, мы никогда не отнимаем у них желания иметь еще больше; а кто не носит в себе призвания, кого высшая сила не удерживает на пути к нравственному совершенству, того нельзя удержать и деньгами на пути науки. Никакое огромное содержание не удержит, например, врача от прибыльной практики и от отсталости в науке, если он сам не имеет научного призвания. Искатель выгодных мест будет и при обеспеченном существовании искать их, так же как и достаточный чиновник допустит злоупотребление за деньги, если его не будет удерживать нравственный взгляд на себя и на общество. Кто не сделал самоусовершенствование главной задачей жизни, того и обеспеченное существование не удержит на научном пути.

Мне будет очень жаль, если мои мысли перетолкуют так, что я отвергаю необходимость увеличения материальных средств для

существования и занятий коллегии; никто более меня не убежден в необходимости этого; я сам много терпел и жаловался, но я также убежден опытом, что если, вместе с обеспечением существования университетской коллегии, мы не успеем в ней водворить еще другим способом научной жизни с ее высшими стремлениями, то на одно улучшение материального быта рассчитывать нельзя, точно так же как нельзя рассчитывать и на то, чтобы усиленные вспомогательные средства, богатые библиотеки, обширные музеи, огромные лаборатории одни могли возбудить интерес и рвение к науке. Они истинно плодотворны только тогда, когда появляются в университетской жизни как следствия, а не как причины научной деятельности. Где господствует дух науки, там творится великое и малыми средствами. Все это я привожу здесь потому, что не раз слышал, как многие приписывали главную причину апатии и застоя в нашей университетской жизни недостаточности материальных средств. :331

Но, приняв улучшение материальной стороны коллегии как одну из самых существенных потребностей, я предполагаю и в отношении ее не делать эксперимента однообразно. Для чего определять содержание не лицу, а должности, — тогда как в университетской коллегии главное — лицо, а не должность, дух, а не форма?

Вот талант, посвятивший себя всецело учебной деятельности; труды его уже обогатили науку; но они такого рода, что не могут ему принести никакой материальной выгоды. Он, кроме университетского содержания, ни на что не рассчитывает, потому что отдает все время и силы университету.

Вот другой: он приглашен, «за неимением лучшего», для замещения кафедры. Его занятия такого рода, что кроме университетского содержания они доставляют ему еще огромные доходы и помимо университета, в котором он «исполняет только аккуратно свои обязанности». Что же общего между этими двумя личностями? Один, — находка и приобретение для университета, — удесятеряет фонд производительных его сил. Другой исполняет только должность.

Вот третий случай: профессор одного университета заслужил уже имя в науке. Его бы хотели иметь у себя несколько университетов. Он и сам бы не прочь переменить место, по домашним обстоятельствам; но университет, который он предпочел бы другим, в таком городе, где жизнь дорога. Будь у этого университета средства и он получил бы профессора, увеличив его содержание по взаимному договору. Родилось бы соревнование, которое оказывает такую пользу для германских университетов, старающихся друг перед другом привлечь к себе личности, знаменитые в науке. Словом, логичность принципа — назначать в университетских коллегиях материальные вознаграждения по степени личных за-

слуг и таланта, а не по должности — неоспорима. Точно так же неоспорима необходимость соразмерять и бюджет научных вспомогательных средств — по свойству каждого предмета, а не поровну. Остается только решить, насколько этот принцип применим к нашему университетскому быту. Почему бы не ввести его, по крайней мере, в тех университетах, которые, по местным обстоятельствам, труднее могут привлечь к себе дельных преподавателей, и потому не выдерживают конкуренции? Можно, наконец, если это уже так необходимо, сохранить и содержание по штату, дав право университету увеличивать его из особенного бюджета, по договору с лицом, которое коллегия желает приобрести, и по разрешении министерства. Ведь признается же возможным (как видно из проектов) назначать различное содержание приват-доцентам; почему же для приват-доцентов это можно, а для профессоров нельзя? Для чего упускать из рук средство, которым университет мог бы привлечь к себе лучшие и деятельные силы, войдя в частные договоры с лицами, заслужившими себе авторитет в науке? Почему не воспользоваться этим средством для привлечения свежих сил из-за моря? Неужели в наше время, когда международные отношения делаются с каждым днем сильнее, мы должны держаться узкого взгляда на науку и общее достояние всего человечества замкнуть в ограниченные пределы национальностей? Этот взгляд (как видно из обсуждений проектов) еще существует у нас. Он, правда, существует еще и на Западе. Но для чего брать за образец узкую односторонность других? Что нас может заставить? — язык, нравы, религии? Но мы считаем знание языков необходимым для наших студентов, а для преподавания многих наук чужестранный язык еще не помеха. К национальной разнохарактерности мы привыкли, а для веротерпимости у нас нет препятствий: наши университеты — не церковные учреждения. Лодер, Франк, Фишер, Струве, Зейдлиц, Буш, читая нам лекции на латинском, немецком и ломаном русском языках, оживляли аудитории и возбуждали любовь к науке в слушателях. Все мы, любившие родину не менее других, предпочитали их единогласно доморощенным и кровным русским наставникам. Моя милость читала также лекции целых пять лет на ломаном немецком языке; немецкие слушатели, — пусть справятся, — слушали меня так же охотно, как и русские; а немцы чувствительнее нашего к грамматическим промахам и ошибкам в произношении. Я теперь знаю одного профессора анатомии, которого я сам вызвал из-за границы: он⁴ уже 15 лет излагает свою науку не на русском языке, — я не хвалю этого, — но знаю, какую он пользу приносит своим слушателям знанием и ревностью к науке. Говорят, что ученые, вызванные из-за границы первой реформой наших

⁴ Венцеслав Леопольдович Грубер. (Прим. Пирогова.)

университетов, мало принесли выгоды нашему образованию. Это неправда. Они внесли свою долю образования, — и долю значительную. Но они были призваны в то время, когда не науки и не образование притягивали в наши университеты студентов, а русская почва была тогда слишком не по натуре западного ученого. Я не утверждаю, что приглашением научных авторитетов из-за границы мы упрочим духовную жизнь наших университетов. Но без других коренных реформ мы не упрочим ее и посылкой наших молодых ученых за границу. И то, и другое — только вспомогательные, паллиативные меры, и каждая из них имеет свои выгоды и свои удобства. Посылка за границу есть сильное поощрение молодежи к деятельности и роднит сильнее науку с нацией; но результат для самой науки скрыт в будущем, — в невысказанной еще способности будущего ученого. Ему предстоит уча учиться. В приглашении из-за границы авторитета есть уже порука за науку, но оно не дает ручательства за то, успеет ли он ее сроднить с нацией. Одна другого стоит. Отделить учебное от научного в университете нельзя. Но научное без учебного все-таки светит и греет. А учебное без научного, как бы ни была для национальности приманчива его внешность, — только блесит. Это не нужно терять из виду, и я возвращусь к этому предмету еще раз после.

Поищем теперь другой, менее внешней и менее материальной причины, почему так слаба жизненная сила нашей университетской коллегии, отчего она требует таких сильных периодических реставраций? Отчего силы ее не восстанавливаются постепенно и сами собой? Органический ли это порок или только нервная адинамиа?

Она слабой родилась на свет; в ее организации не было источника, откуда бы она могла черпать свежие силы, она не воспитывалась самостоятельностью; ее хилое тело тщательно предохраняли от заразы и поветрий. Целых 50 лет употреблялись стимулы, чтобы поддержать ее жизнедеятельность, и они сделались так необходимы, что теперь, когда она выходит из своего младенчества, — боятся, устранив их, повредить существованию. Между тем, в ней успели развиться такие недуги, которые свойственны старческому возрасту.

Казалось бы, коллегиальное начало, внесенное в ее организацию, должно было сделать корпорацию крепкой и самостоятельной; но на деле вышло не так. Это начало настолько же развивает, насколько и само требует известной уже развитости. Вступая в коллегию, каждый член должен уметь ценить ее и, следовательно, свое значение. Цель, интересы и достоинство коллегии должны сделаться и его целью, его интересами, его собственным достоинством. Ни одна сторона ее, как бы она ни казалась отдаленной от индивидуальной деятельности каждого члена, не должна быть для него недоступна. Каждый член должен быть проник-

нут мыслью, что малейшее отступление от главной и общей цели коллегии неминуемо повлечет за собой разлад интересов и унижение достоинства. Каждый должен помнить, что его заблуждения, недостатки и страсти рано или поздно отзовутся, вместе с его голосом, в решениях коллегии, и могут повредить всему ее строю и целому поколению людей. Все это, конечно, идеальная сторона дела, и потому неудивительно, что первичные, вовсе не развитые, элементы нашей университетской коллегии мало подходили к идеалу, но они также мало соответствовали и требованиям коллегиального начала, рассматриваемого с чисто житейской точки зрения. :334

Неоспоримые преимущества этого начала состоят в том, что оно представляет более шансов на сознательную разумность действий, поддерживает в лицах стремление к достижению общей пользы и устраняет личный произвол. Но, несмотря на то, самое обыкновенное зло коллегий, заражающее нередко весь их организм, — это преследование личных интересов, которые имеют только то особенное, что они проявляются не под видом интересов одного, а нескольких лиц вместе, и потому разделяют коллегию на несколько партий. Этого рода партии не должно, однако же, смешивать с теми, которые образуются от различия направлений. Первые теряют из вида общую, главную цель коллегии, унижают ее достоинство, делают ее орудием мелких интриг и низких происков. Вторые, напротив, берут свое начало в сильном, часто страстном, нередко идеальном стремлении достигнуть общей цели, так что самые их заблуждения нередко носят на себе отпечаток высокого. Борьба их, если она ведена неискусно, иногда кончается катастрофой и разрушением целого, но не унижением, не нравственным бессилием.

Известно, как личности в коллегии, хорошо организованной, группируются по направлениям, как крайние из них расходятся направо и налево, как в самом центре образуются оттенки и незначительные переходы к крайностям и, наконец, все ведение борьбы основывается на умении стягивать группы, пользуясь их силой взаимного тяготения, делая взаимные уступки в пору, вовремя, и не во вред общей пользе и главной цели учреждения. Где все это делается, там, значит, коллегия живет уже полной, самостоятельной жизнью.

В нашей университетской коллегии есть также неизбежное разделение на партии, но формула этого разделения совершенно иная. Одну партию, не скажу, к чести коллегии, что она самая значительная, составляют преследователи личных интересов; вторую — прогрессисты, настоящие и кажущиеся; третью — равнодушные. Здесь есть также различие направлений, но основанием ему служит не одно и то же начало: прогрессу не полагает-

ся, как охранительная сила, консерватизм, а личный интерес, и центр составляет не умеренность в стремлениях, а равнодушие.

Прогрессисты выработали уже более отчетливый взгляд на свое призвание, на цель и значение коллегии; но они покуда меньшинство и сами еще распадаются, по резким оттенкам в направлении, на несколько малых и даже единичных групп. На них-то и обнаруживается сила тяготения двух других партий, и большинству нетрудно бывает, чрез некоторые уступки, разъединить эти группы. Против обаятельной силы личных интересов, если они проникли в большинство, устоять трудно. Еще легче ему бывает привлечь на свою сторону равнодушных. Близкое каждому личное расшевелит легче равнодушные, чем далекое, общее. Да и равнодушной я называю сторону коллегии только относительно, потому что она не так сильно и настойчиво проводит прогресс или личные интересы. Этот индифферентизм есть особенное явление, едва ли не исключительно принадлежащее только нам. Нельзя сказать, чтобы в числе равнодушных не было достойных личностей, охотно занимающихся для себя наукой; но это натуры или слишком добрые, флегматические и вялые, или напуганные и забитые превратностями жизни, или не имеющие вовсе общественного смысла. Их еще может разбудить личный интерес, но волноваться ради общественного и высшего им не под силу: особливо пугают их неизбежные крайности стремлений; а наука, которой занимаются иногда прилежно, настолько не одушевляет их, чтобы они могли увлечься этими стремлениями. В таком положении, вообще, теперь дело. Есть и некоторые варианты.

В наше время, конечно, прогрессисты не могли не воспользоваться привлекательной стороной их направления; возбужденные духом времени, они сгруппировались и сделались смелее. Но к их знамени нашли выгодным для себя примкнуть и некоторые из другой партии, видя, что прогресс может сделаться хорошим проводником и личных интересов. Как это, впрочем, очень натуральное, явление ни затемняет светлую сторону дела, оно все-таки знаменательно для жизни коллегии, как и для жизни всего общества. Было время, когда знамя другого лагеря стояло в коллегии так высоко, что его нельзя было не заметить самому поверхностному наблюдателю. Было и такое время, когда университетская коллегия делилась только на два лагеря, по национальностям: на русских или малороссов и немцев. Прежде «немец» в нашей коллегии значил или авторитет в науке, слишком влиятельный по своим связям, слишком во всем отличный, не имевший ничего общего с другими, и потому ни с какой стороны недоступный; или же страшный оригинал в глазах русского; или, наконец, чиновник, обладающий — и в ведении коллегияльных, и в преследовании частных интересов — недосягаемой для русских аккуратностью.

Национальный элемент и теперь еще играет немалую роль; но в нем выражается уже более сознательно известное направление. Направления сближают теперь национальности; однако же и в наше время, в немецком элементе коллегии, и прогрессивность, и отсталость, и преследование частных интересов, и самое равнодушие имеют все-таки особенный оттенок. Взгляды на жизнь, и при одинаковости направлений, как-то не сходятся, и это-то, вместе с другими, внешними условиями, в каждой из трех партий коллегии заставляет тотчас же отличать русский и малорусский элемент от немецкого. :336

Понятно, что, при таком состоянии университетской коллегии, в ней не могло быть самостоятельной жизни. Правда, всегда велась, и даже сильно, борьба слишком крайних направлений и взглядов. Но участь решалась не самой коллегией, а за пределами ее власти. И прогрессисты, и искатели личных интересов искали ее в высшей инстанции, с которой коллегия не имела никакой духовной связи, а одну только чисто служебную. Можно себе легко представить, как это одно нарушало независимость и препятствовало развитию самостоятельной жизни, не говоря уже о том, что коллегии и законом не дано было достаточно независимой организации. Никто из членов не понимал, что для жизни и деятельности не все равно: решается ли возникшее в ней разногласие ею же самой или лицом, поставленным законом вне и выше ее. Партиям было все равно, как достигались их цели, тем или другим путем, лишь бы достигались. Даже и тогда, как разность направлений начала выражаться яснее, никому и в голову не приходило хлопотать о правильной, коллегиальной тактике, группировке партий и компромиссах. Искусства располагать большинство в пользу дела разумными уступками, не вредя его сущности, этого искусства, без которого немислима деятельность ни одной коллегии, никто не хотел знать. И то сказать: и служебные отношения, и законы, и начальство в коллегии были не таковы, чтобы могли развить и укрепить ее самостоятельность. Начальник, услышав о прениях, улыбался и говорил: «там у меня спорят», а секретарь решал нередко все по-своему. Искатели личных интересов, люди уже по своему направлению более практичные, делались и более влиятельными. Иногда же безгранично самолюбивый произвол клонился на сторону прогрессивного меньшинства. Иногда и без участия коллегии совершались дела истинно полезные для науки, но не для самостоятельной жизни коллегии. Университет был только по имени коллегией. Ни предание, ни общественное мнение, ни дух времени и науки не поддерживали слабых ее сил. При таких условиях нетрудно было развиться трем злым недугам: nepoтизму, апатии и бюрократическому формализму. Первым болеют и лучше организованные корпорации;

расположение ко второй кроется в славянской натуре; третий родился от недостатка других, более высоких стремлений.

И вот мы, наконец, дошли до того времени, когда реформа сделалась для университета тем, что в лечении болезни называется жизненным показанием. Правда, не все терапевты этого мнения; некоторые еще предлагают выжидательный способ. Но старинное: «*ancipis remedium melius quam nullum*»⁵ — едва ли здесь не на своем месте. Тогда это будет третья реформа, которую переживают наши университеты в течение 50 лет. Первую из них можно бы было назвать, по Мухину, «кентрологической», потому что учение о стимулах служило ей основанием. Оно служило и к возрождению, и к рождению. Вторая полезна была только тем, что при ней, хотя и не через нее, вносились свежие силы в университет и изгонялось уродливо смешное. Кто вместе со мной вспомнит, как лет 35 тому назад мы ходили на лекции, чтобы посмеяться, тот поймет меня. Но, к сожалению, эта реформа взамен комического принесла печальное. Ее можно бы было назвать, по тенденции, антиколлегиальной. Третья должна сделаться коренной и жизненной.

Все согласны в том, что университет не может быть неколлегиальным. В самом деле, коллегия представляет более ручательств против личного произвола; в ней интересы каждой науки могут найти своего представителя; ею поддерживается связь наук и вырабатывается направление учебной деятельности. Итак, если нет лучшей формулы для научного и учебного учреждения, то все внимание реформаторов должно быть обращено на организацию коллегии. Организующие постановления должны ее сделать сильной, прогрессивной и производительной. Почти все в том также согласны, что для этого нужна автономия. Автономия воспитывает коллегия; она дает ей более внутреннего содержания, но не уберегает от nepотизма. Nepотизм — болезнь всех корпораций — ведет к застою, застой — к упадку. Против этого зла есть только два надежные средства: общественное мнение и хороший резервуар свежих сил.

Но насколько у нас возможна автономия коллегии? Этот вопрос заставляет меня обратиться к другому условию, которое затрудняет возможность полной реформы. Как согласить полную автономию коллегии с началом централизации в государстве. Легко было учредителям средневековых университетов делать из них *status in statu*. Тогда государственное начало было слабо, и государи и папы смотрели на университеты как на сильные проводники своих интересов, и автономии нетрудно было развиваться. Теперь — другое дело. В Старом Свете, кроме английского уни-

⁵ Безразлично действующее лекарство лучше, чем никакое.

верситета, не осталось уже ни одного с прежней автономией, да и там она уже сделала уступки.

Теперь в централизованном государстве вся автономия университета может состоять только в том, чтобы сделать его как можно менее бюрократическим и как можно менее зависимым от бюрократии. Автономия и чиновничество нейдут вместе. Ученый, стремящийся к независимости, это дело самое обыкновенное; чиновник с этим стремлением немислим. Там, где ученые — чиновники, а их ученики — искатели чина, там сейчас рождаются такие понятия и отношения, которые рано или поздно превратят учебное место в присутственное. В науке есть своя иерархия; сделавшись чиновной, она теряет свое значение. Говорят, что у нас, при существовании табели о рангах, вывести одни только университеты из этого строя, — значило бы унижить образование в глазах всех сословий. Но именно у нас, чтобы дать университету настоящую самостоятельность, и нужно поставить его вне всего иерархического строя. Пусть светится оттуда. :338

И что общего имеет деятельность корпорации, соединенной в одно целое духовными интересами науки и взявшей на себя нравственную обязанность просвещать, с деятельностью других гражданских сословий? Права этой корпорации — в свободе мысли и слова. Ее сила — в силе правды. Ее призвание сходно с призванием духовенства, которое потому-то на Западе и получает и распространяет свое просвещение в университете. Как бы гражданственность и образование у нас ни были ничтожны, как бы почет и уважение ни были чиновны, как бы это чиновничество ни было вкоренено в понятиях общества, — университет, поставленный вне табели о рангах, не потеряет своего достоинства. Напротив, его исключительное положение заставит скорее смотреть на него как на нечто высшее, более нравственное и более духовное! Теряя данное ему зависимостью, он выигрывает в самостоятельности. Тогда, и только тогда, результаты духовной деятельности коллегии заставят общество судить о ней не по правам ее на приобретение чинов, а по личным ее достоинствам.

И, наконец, согласимся, — не согласиться в этом нельзя, — что чины и права на них даны были нашему университету не столько для того, чтобы найти ему место в государственном строе, сколько потому, что законодатель считал их полезными стимулами. Применение к нему известной аксиомы — «ubi stimulus, ibi affluxus»⁶, принесло, действительно, известную долю пользы, но вместе с тем и повредило внутреннему содержанию университета, поставив его в ложное положение. Теперь мы уже убеждены, что и без этого искусственного раздражения прилив свежих и здоровых соков не прекратится. И если кто первый в деле но-

⁶ Где стимул, там и изобилие.

вом должен дать собой пример гражданского самообновления, то это, верно, университет. Выходя из строя, он выходит из ложного положения, приобретает самостоятельность и делается нравственно выше. Это не значит, что он делается вовсе бесправным. Во-первых, автономия, если ей дадут должные размеры, — уже настоящее и важное право; во-вторых, право на свободу мысли и слова, которым университетская коллегия всегда, везде и при самом стесненном положении общества пользуется в больших размерах; в-третьих, наконец, право раздавать и приобретать ученые степени и звания, которые, в свою очередь, должны иметь право на занятие известных мест и должностей. За эти три преимущества университет смело может отдать все свои чиновнические привилегии. **:339**

Автономия в широких размерах, как это и нужно при коренной реформе, может быть дана только университету децентрализованному. Тогда каждый университет мог бы сделаться высшей ученой и учебной инстанцией для всего края. Тогда и круг автономических действий в каждом из них мог бы быть различен, смотря по местным обстоятельствам, дознанным из опыта. На министерстве лежала бы обязанность контроля за законностью действий. Тогда и членам университета как высшей учебной инстанции нужно бы было предоставить участие в действиях местного училищного комитета. Министерство могло бы организовать контроль за правильным ходом университетского самоуправления также различно, не придерживаясь одной общей для всех формулы: чрез попечительства, ревизии, непосредственные сношения с советами.

При централизации границы самоуправления суживаются. Тогда каждый университет должен сообразоваться не с местными обстоятельствами, не с потребностями, не с убеждениями своего большинства, не с обычаем и преданием, но с общим для всех российских университетов уставом. Невыгоды такого порядка вещей очевидны, и они гораздо важнее, чем кажутся. Думают обыкновенно так: если ученой коллегии предоставлено слишком много самой распоряжаться, то стоит только испортиться большинству, — а это нетрудно, — и все пойдет худо; а ограничив ее различными предписаниями, распоряжениями и стеснив надзором ближайшего начальства, можно, во-первых, усилить голос лучшего меньшинства, а во-вторых, можно поправить и большинство. Все это правда. Но беда в том, что при этом способе худая коллегия, в сущности, все-таки останется худой, а будет только лучшей казаться. И если, несмотря на все административные меры, дело не пойдет на лад, то виноваты будут распоряжения и законы, а не лица. От этого ни университет, ни общество ничего не выиграют; главное зло останется злом, только скрытым, менее чувствительным, и в рану никто не положит пальца. Не лучше ли

же будет, если в коллегии самостоятельной, при порче большинства, вся худая сторона дела обнаружится, как она есть. Тогда и обществу, и правительству можно будет ясно видеть, где кроется причина и что нужно делать. Тогда вся ответственность падет на лица. При такой автономии, которая даст коллегии возможность пользоваться всеми обстоятельствами для общей пользы, то, именно, и отлично, что в ней и хорошее, и худое как на ладони, спрятать трудно, отговариваться нечем. Кому много дается, с того много и взыскивается. Но если нашим университетам даны будут все настоящие преимущества автономии, то устав и не может быть, в сущности, для всех один и тот же; останутся только одни, самые общие для всех черты. В чем, в самом деле, заключается вся сущность этой автономии? Не в праве ли располагать по своему усмотрению бюджетом, распределять его различным, сообразуясь с потребностями; наблюдать за правильным его употреблением, выбирать из своей среды распорядителей, иметь под своим наблюдением всю административную часть университета; распоряжаться своей учебной деятельностью в интересах науки и просвещения края; и, наконец, ответственность в законности и правильности своих действий, непосредственно, перед высшей учебно-административной инстанцией? :340

Но все эти права могут ли быть даны совершенно в одинаковом размере и одинаким образом всем университетским коллегиям? И будет ли практично, вводя такую коренную реформу, рассматривать все наши университеты в их *statu quo* как учреждения ничем друг от друга не отличные, потому только, что они до сих пор руководствовались одним и тем же уставом? Не известно ли, что каждый из них все-таки имел такие особенности, которые не раз требовали отступлений, дополнений и даже изменений устава? Не видим ли и теперь, что в ином, например, влияет уже предание, в других его вовсе нет; одними интересуется уже общество, другими — мало; в одних ученая коллегия желает принудительного, в других — свободного учения; у одних бюджет больше, у других — меньше? и проч. и проч. Для чего не дать возможности каждой университетской жизни выработаться и проявиться по-своему? Разве мы не видим, какой благотворительный результат принесла просвещению Германии разнообразность ее университетов? Чем это будет противно, или вредно, нашему государственному устройству? Вводя новый порядок вещей, правительство не лучше ли может и наблюдать и сравнивать в разнообразии формул все их выгоды и недостатки? Не облегчится ли в будущем возможность улучшения, выведенная из результатов, добытых опытом и при условиях хотя и не одинаких, но все-таки сходных между собою?

Двумя правами, приобретаемыми автономией, наши университеты, как видно, не хотят воспользоваться вполне, считая их

или не слишком важными, или опасаясь неурядицы, или, наконец, не доверяя себе. Это — право распоряжаться вполне бюджетом и учебной деятельностью. Хотят непременно заранее определенных штатов должностей и содержаний, присвоенных должностям. Про одинаковость содержания лицам, посвятившим себя науке и учению, я сказал уже, что это способ в принципе несправедливый, да и на практике несколько еще не доказавший особенных преимуществ. У нас, как кажется, видят в различном содержании причину распрей и зависти; в германских университетах сидят один возле другого профессора, получающие от правительства и сотни, и тысячи, — не| ссорятся и не завидуют. Но :341 и у нас принимают *de jure* и *de facto*⁷ различное вознаграждение; а распределяют его по званиям и должностям, считая это не то что справедливым, а более спокойным. И у нас экстраординарный, ничем не уступающий ординарным, сидит спокойно вместе с ними; это в порядке вещей, потому что для него не открылась еще ординария, или потому, что он не доктор. У нас также никто не считает предосудительным, или неудобным, прибавку жалованья профессору, исправляющему две учебные должности; но никто не хочет допустить, что должно дать более содержания тому, кто вдвое должен работать и вдвое менее получать, или тому, кем университет должен дорожить. У нас еще непременно хотят все, даже научные заслуги и достоинства, ценить по штату и должностям. Также не хотят отстать и от штатного числа кафедр, говоря, что университет есть учреждение государственное, и если не определить штата, а принять принцип замещения по наличному числу достойных кандидатов, то главнейшие кафедры могут остаться вакантными, а другие — сделаться дублетами, — и тогда для государства нельзя будет образовать ученых по полной программе. Но ведь штат также не помогает против вакансий, — вакантные кафедры все-таки существуют, и это еще хорошо, что существуют; это значит, что наши университеты и теперь, без автономии, не чересчур легки на выбор, иначе охотники непременно бы нашлись. Но если хотят заправду дать автономии коллегиям, то прежде всего нужно им доверять; а доверяя, нельзя предполагать, чтобы постановления штата были сильнее убеждений коллегии, приобретшей автономию, или чтобы она не позаботилась всеми силами о замещении какой-нибудь кафедры основной науки, надолго оставляя ее вакантной. Если же и в этом нельзя положиться на добросовестность наших ученых, то нечего и хлопотать об автономии.

Если я привел как пример, что для образования и науки лучше пусть одна кафедра остается вакантной, если нет достойного кандидата, а другую пусть займут два авторитета, если они най-

⁷ По праву и на деле.

дуются, то это и был только пример, точно так же, как и то было только примерное указание против штатного числа кафедр, что некоторые науки, вовсе не вошедшие в штат, могут, несмотря на него, родиться, а другие, вошедшие, умереть. Но пример, в сущности, совершенно справедлив, если только справедлив мой взгляд, что не кафедры, не штат кафедр, не имена наук и не отвлечения, а лица составляют главную силу и значение ученой и учебной коллегии.

Самостоятельная коллегия — это, значит, такая корпорация, которая берет на себя нравственную ответственность пред правительством и пред обществом распространять науку и просвещение. Чем свободнее она будет располагать своей научной и учебной деятельностью и данными ей средствами, тем более на ней ответственности, тем более в руках ее условий оправдать перед лицом общества данную ей доверенность. Она сама определит свой ежегодный бюджет, сама назначит себе штат кафедр, в который, по крайнему своему разумению, включит, конечно, все, что считает необходимым, пользуясь примером и опытом других коллегий, не насилуя своих учреждений; она сама старается найти достойных представителей для каждой науки и, в случае продолжительных вакантных кафедр, замещает их сама же, временно, по найму, или другим способом. Короче, — делает все так же, что и теперь делается, только лучше теперешнего, потому что будет действовать с убеждением и как лицо ответственное. Этого нужно надеяться, или, без этой надежды, лучше не вводить автономию. Да и само государство, — принимая даже, что его интересы противоречат интересам науки, — когда более выигрывает: тогда ли, если университет ему даст подданных, научившихся хоть одной науке у дельных и талантливых наставников, или тогда, если он заставит их слушать и экзаменоваться у всех штатных посредственностей?

Я знаю, что и автономия не гарантирует от посредственности. Но в обоих случаях, и при автономии, и при штате, выбор — в руках коллегии; только в первом — ей предоставлено будет выбирать свободно по убеждению и по нравственной обязанности; а во втором — она принуждена будет это делать по предписанию и по штату. В котором же из двух случаев может встретиться скорее выбор с предикатом: «за неимением лучшего»? — Впрочем, нет никакого препятствия, и при полной автономии, каждому университету составить для себя, по его научным убеждениям, такой штат, какой ему кажется лучшим. И каждая автономическая коллегия должна отвечать перед государством еще более, чем неавтономическая, что она по всем кафедрам имеет достойных представителей науки. Ведь и при одном общем штате, который войдет, как закон, в устав всех российских университетов, все-таки этот штат составит учеными и профессорами, по их соображе-

ниям, основанным отчасти на свободе мнений различных университетов, отчасти на собственном убеждении.

Отчего же предполагать, что эти же самые университеты, когда от них потребовали, — то они могли составить для себя штаты, а когда это предоставили на их волю, то не могут? Или отчего предположить, что убеждения ученых составителей одного общего штата непременно справедливее убеждений, составлявших частные штаты? Разве Министерству народного просвещения, при несуществовании общего штата, труднее будет, чем теперь, убедиться, почему какая-нибудь кафедра остается вакантной? Какая цель автономии? Почему само министерство убеждается, что она необходима для наших университетов? — разве не потому, чтобы возвысить нравственное достоинство коллегии, придать ей более силы? Чем же более, спрашиваю, может обнаружиться это достоинство, как не тем, что каждая коллегия будет сама заботиться о своем восстановлении и о целостности всех, представляемых ею, научных интересов? Поэтому, чем более дадут ей средств выразить себя свободно, тем лучше, тем скорее можно будет о ней судить. :343

Мне всегда казалась односторонней тенденция предотвращать законом зло, а не развивать добро в гражданах, и направлять весь их разум только на уничтожение существующих или в будущем возможных злоупотреблений. Выходит обыкновенно так, что, как бы ни обдумывали и ни изошряли такое направление закона, — всегда окажутся непредвиденные лазейки. Еще более поразительно оно там, когда новый закон должен бы иметь главной целью поднятие нравственного чувства его исполнителей и возвышение их нравственного достоинства в глазах общества. Иметь же это в виду, в отношении университетской коллегии, и вместе с тем определять пунктуально ее штат — это значит самому себе противоречить.

Мы знаем все очень хорошо, что злоупотребления могут быть, и *все возможное*, если угодно, можно вычислить. Профессоры *могут*, если допустим их распоряжаться самим бюджетом, делить содержание между собой; тогда, чем меньше кафедр, тем выгоднее будет для них; *могут* нарочно оставить одну кафедру вакантной, чтобы посадить на другую двух — близких к сердцу; никто не согласится, пожалуй, признать другого, кроме себя, более достойным получать вдвое более жалованья; возможен и откуп на кафедры. Это все может быть; но тогда для чего же останавливаться и не предположить также того, что и выбор на штатные кафедры будет делаться за деньги, дипломы будут раздаваться также за деньги; короче — предположить лихоимство самими обыкновенными пороками коллегии и все законы написать с целью самого энергического противодействия этому злу? Ведь мы все знаем, что оно и *a posteriori* не невозможно в коллегиях. Но

ведь мы также знаем, что дело не в законе, который можно всегда обойти, а в совестливом и разумном контроле за исполнением закона. Кто же препятствует учредить такой контроль? Кто мешает не только иметь его в высшей инстанции, но поставить возле, сделать его живым и основать не на одном бюрократическом начале, а также и на жизненных интересах, в которых течет неисчерпаемый источник и зла, и добра? Но про это — речь впереди; а теперь скажу еще одно слово про вознаграждение по заслугам, а не по должностям. Что имеет основанием правду, того нельзя не повторять, даже и опасаясь надоесть. |

:344

Если, в самом деле, бояться распространить автономию коллегии до такой степени, чтобы она сделалась оценщицей и судьей собратских по науке заслуг, — право, которое, в сущности, она и теперь имеет, когда возводит адъюнктов в экстраординарные, экстраординарных — в ординарные, ординарных — в заслуженные, — то почему же не вменить ей в обязанность и не дать ей возможности вступать в договоры с лицами, достойными занять кафедру, и о кондициях представлять на утверждение правительству? Неужели и тогда коллегия, опасаясь возбудить в себе зависть или ложное самолюбие, не захотела бы никого пригласить по договору, чтобы одному не дать более, чем другому? Известное *minimum* содержания могло бы быть определено, и было бы, положим, штатное; число кафедр для каждого университета, положим, также было бы определено; но коллегия, уполномоченная договариваться с приглашаемыми лицами, могла бы, с разрешения правительства, увеличивать это содержание на счет особых сумм, определенных законом для этой цели. Но и при такой ограниченной автономии коллегия должна полностью распорядиться суммами, остающимися от штатного содержания, в случае вакансии, с тем только условием, чтобы эти суммы были употреблены в уплаты доцентам или приглашаемым преподавателям на время и по найму.

До сих пор вакантное содержание поступало или в экономию университета, или на прибавку жалованья профессорам, взявшим на себя обязанность преподавать предмет вакантной кафедры, и то не иначе, как с разрешения начальства. Университет от этого мало выигрывал. Доценты при университете должны бы, конечно, первые иметь право на временное занятие вакантной кафедры по найму, и если бы, наконец, из них никого не нашлось, то остающаяся сумма ни в каком случае не должна оставаться праздною или переходить в экономию, а расходоваться на приобретение учебных пособий по вакантной кафедре. Но все это будет одно только *pis-aller*⁸ и должно уступить место полной ав-

⁸ На худой конец.

тономии, как скоро ее принцип найден необходимым для жизни и благосостояния университета.

Итак, я тогда только увижу университетскую коллегия живой, сильной и прогрессивной, когда: 1) каждый из наших университетов разовьет свою деятельность на просторе и на свободе; сам, по своим собственным убеждениям и применяясь к местным требованиям, распределит свой бюджет, с полной ответственностью пред лицом науки, государства и общества; когда: 2) сам определит вознаграждение за труды своим сочленам не по званию, не по должностям, а по личным достоинствам и заслугам в науке; когда: 3) сам докажет, что сумел оправдать полную к нему доверенность государства, удовлетворив всем требованиям науки, в лице ее представителей; когда: 4) наконец, взамен бюрократического элемента, с его формализмом, рангами и привилегиями, внесет в свою жизнь другой, ему родной — научный и духовный, доказав тем, что наука стоит у него выше предрассудков и самообольщения. :345

Как бы ни казался мой взгляд идеальным, но я не перестану утверждать, что в деле — духовном и нравственном, как просвещение, деятелям его нельзя доверять вполнину, и потому статуатами нужно не ограничивать к ним доверенность, а направлять ее к известной цели.

Я знаю, что внутреннее состояние коллегии, которое я изобразил, действительно таково, что не может внушить полного доверия к ее деятельности. Скажу более: еще время очень близко к нам, когда проявлялись в ней такие черты уродливой отсталости и терпима была преравнодушно такая полная апатия к научным интересам, что, вспоминая об этом, невольно стыдишься за нее. Но, именно, все это зная из собственного опыта, и не должно увлекаться своим знанием к заключению, которое, казалось бы, неминуемо из него следует. Ведь если бы наша университетская коллегия была хотя издалека образцовой, то никто бы и не подумал делать над нею эксперименты. Условия, в которые она была поставлена, — мы видели, — были такие, при которых не могли в ней не развиться самые резкие, самые вопиющие недостатки. Теперь все дело идет только о том, должно ли удалить все эти условия, или наполовину?

Я убежден, что взгляд на полную автономию кажется идеальным не потому, что в основу его кладется полная доверенность к лицам, а потому, что он никак не подходит к нашим понятиям о государственном учреждении. Как, в самом деле, совместить коллегияльное, децентрализованное и вовсе не чиновное самоуправление ученой и учебной коллегии с государственной и иерархической централизацией? В какие отношения поставить ее к попечительству, к министерству, к обществу? Но мне кажется, что трезвость взгляда именно тогда и обнаруживается, когда смо-

треть прямо на цель. Если цель учреждения — такого рода, что исключительно требует свободы и самостоятельности для благих проявлений своей деятельности, то и положение его в государстве должно быть исключительное; иначе это положение будет ложное, и никакие регламентации в мире не придадут живучести его действиям. Точно так же и с отношениями к высшим инстанциям.

Что такое попечитель университета? De jure — начальник, обязанный приводить университет в цветущее состояние, которое de facto зависит от его личного взгляда; одни из попечителей полагали его в увеличении экономических сумм, другие — в постройках и чистоте; все знали, однако же, что оно | зависит и от состава коллегии. А чтобы улучшить этот состав, попечитель должен был вмешиваться в ее дела. Такое вмешательство лица, не обязанного, по закону, быть образованным в науке, не могло обходиться без произвола, ставившего его во враждебное положение к коллегии. Поэтому более умеренные ограничивались обыкновенно одним надзором за действиями коллегии и студентов, для которых попечитель был высшей, и полицейской, и судебной, инстанцией. Если теперь коллегия приобретет автономию и получит право сноситься непосредственно с министерством, то роль попечителя определится сама собой. Он делается контролером без права на veto; правительство же, по указанию опыта, может избрать и другую формулу контроля. Это значение мне кажется так очевидным, что я не понимаю, как те, которые столько заботятся об автономии, не хотят, между тем, отличить начальство от контроля. Остаются еще отношения попечителя к студентам. Но вопрос об этом решается различно, смотря по тому, останется ли университет централизованным или нет. Об этом после; здесь скажу только, что должность контролера, если на его руках будет надзор за ходом просвещения целого края, несовместна с должностью полицмейстера, которым непременно делается тот, кто возьмет на себя надзор за студентами. :346

Скажу также, что теперь нельзя на этот контроль смотреть так легко, как прежде. Теперь нельзя думать, что за ходом просвещения в целом крае может следить всякий, кто только достиг, по своему званию или чину, известного положения в обществе. Дело, имеющее такое высокое и духовное, и нравственное значение, требует, кроме научной образованности и специальных педагогических сведений, еще особого призвания, без которого нельзя посвятить себя всецело занятиям, из всех самым сложным и самым трудным.

Отношения коллегии к высшей административной инстанции — Министерству просвещения — определяются также различно, смотря по тому, будет ли каждый университет руководствоваться своим уставом, или все, по-прежнему, получают один

общий. В первом случае министерству достаточно будет иметь одну совещательную комиссию экспертов; во втором — эта комиссия получит более административный характер. Сношения автономической коллегии с министерством будут, во всяком случае, непосредственные — это главное.

Контролер, или попечитель, следит за всеми дебатами совета, которые должны быть непременно гласные; требует от него еще и других, подробных указаний для каждого, более замечательного распоряжения, и сообщает министерству свои собственные заключения о делах университетской коллегии, нисколько не оставившая этим их хода и сношений с министерством. Если же однажды принято, что коллегияльное начало всего более соответствует свойству научных и учебно-административных дел, если принято также, что многие из них окончательно решаются в министерстве, то учреждение при нем совещательного ученого или учебно-административного комитета я считаю совершенно последовательным и необходимым. :347

Если университет останется централизованным, если автономия его будет ограниченная, — тогда решение какого-нибудь учебно-административного вопроса в одной коллегии будет непременно влиять на все другие; принятие какой-либо меры в одном университете нужно будет распространять и на другие; это — известное правило, неудобства которого также известны. В таком случае решать в высшей инстанции дела и распоряжения коллегии, имеющие такое обширное значение, простым бюрократическим, а не коллегияльным порядком, значило бы грешить против самого принципа. Поэтому учебно-административный комитет при министерстве, состоящий из экспертов, будет учреждением существенно необходимым.

Если пределы университетской автономии будут расширены, если каждый университет будет руководствоваться своим уставом, то коллегияльный комитет при министерстве будет также следствием того же принципа, но примет характер более совещательный. Составленный из специалистов в науке и экспертов, знакомых с университетами, комитет этот полезен не по одной только теории. Польза его доказана и на опыте. При Министерстве народного просвещения состоял уже подобный комитет, в ограниченном только размере, в 40-х годах. Это был временно медицинский комитет, под председательством д-ра Маркуса; я также в нем участвовал, и я думаю, что ни один из медицинских факультетов, которых дела передавались министром в этот комитет, не мог пожаловаться на наши суждения. — Почему? — понятно. Потому что в нем преобладал взгляд на факультетские дела не бюрократический, а научный, и потому, что все прогрессивные требования факультетов находили и поддержку, и дальнейшее развитие.

Хотя при автономии университетов большая часть дел и будет решаться в советах и факультетах, но для министра совещательный комитет экспертов всегда будет нравственно необходим. Его необходимость особенно окажется, например, в том случае, если факультеты, несмотря на автономию, не в состоянии будут приискать дельных преподавателей для занятия вакантных кафедр, — а это может случиться, и правительство вынуждено будет само, или чрез те же факультеты, пригласить ученых, на особенных условиях. Конечно, такое учреждение нарушает принцип автономии университета, но настолько же, насколько он нарушается и существованием самого министерства. Как и из кого будет составлен этот комитет, — будут ли к нему приглашаемы академики или профессоры из различных университетов на известное время, — это дело иное. Он, как и все на свете, может сделаться и прогрессивным, и отсталым, смотря по выбору. :348

Принцип автономии еще менее совместим с правом министра назначать профессоров, признанным уставом при второй реформе университетов. Министры, как известно, пользовались им редко, — и вводить его в новый устав я не вижу никакой необходимости. Но если содержание профессорам будет назначаться не по должностям, а по достоинствам и по договорам, то за министром останется право утверждать эти договоры и приглашать известных лиц к занятию кафедр по факультетским представлениям или по представлениям ученого совещательного комитета, если бы факультеты не имели в виду ни одного достойного кандидата. Это делается и в германских университетах. Определив точно, какие дела могут быть окончательно решены в совете и факультете и какие должны восходить для решения на высшую инстанцию, можно только тогда, когда определено будет, останется ли университет централизованным, или нет. А этот важный вопрос, как кажется, мало обращает на себя внимания.

В понятии о централизации лежит уже стремление извлечь как можно более общего из частных различных университетов, и потому понятно, что составители общего устава университетов всегда заботятся определить известное число кафедр для каждого факультета, с известным содержанием, число учебных часов и общее для всех разделение учебного курса. Для чего? Не для того ли, чтобы никто не отступал от постановлений, признанных для всех университетов необходимыми? Не потому ли, что отступление от них считается уже тем-то ненормальным? Если так, то каждое постановление, хотя несколько измененное, нарушает уже нормальность и может быть допущено не иначе, как с разрешения высшей инстанции, которая одна и может судить, в какой мере это безвредно для целого. Допустить в таком общем уставе возможность для каждого университета или факультета делать какие бы то ни было отступления, не сносясь с высшей ин-

станцией, — непоследовательно. Правда, есть и общее для всех университетов одного государства, но оно заключается не в числе кафедр, не в бюджете, даже не в числе факультетов. Это общее — права, которыми университеты пользуются в государстве.

Направление, учебная деятельность и отношение к учащимся не могут и не должны быть во всех университетах одинаковы, потому что ни для одного из этих трех условий не найдено еще нигде абсолютной формулы. Она, может быть, для нас со временем и найдется. Но для этого ее нужно отыскивать путем опыта. А опыт, я уже сказал, тем скорее может удасться, чем более он будет многосторонен. И вот, вся задача для нас состоит, я думаю, не в том, чтобы составить один «общий устав российских университетов», то есть найти еще нигде не найденное общее, — а в том, чтобы найти на деле особенности для «каждого из российских университетов», которые бы сближали их жизнь с жизнью края. Чем свободнее, чем менее регламентирована будет их деятельность, тем яснее выразится характер каждого, и тем более каждый университет будет соответствовать потребностям общества.

Но все хорошее, что я сказал об автономии университета, насколько не отвело моих глаз от худого. Я знаю очень хорошо, что она одна не предохраняет его от порчи и упадка. Нужно противодействие, но такое, которое, не мешая его свободной деятельности, препятствовало бы только развитию апатии, застоя и nepoтизма.

В нашем малоразвитом обществе, и особенно провинциальном, столько парализующих условий, наша жизнь так скудна возбуждающими стремлениями, наше самолюбие так мелко, искусственные его стимулы так мало приноровлены к духовным интересам, что у нас всего труднее уберечь университет от апатии и застоя.

Непотизм, с его системой протекций, существует везде, — у нас он только принимает иногда грубые и уродливые формы, доходя даже до лихоимства, которое, как известно, проявлялось не раз в наших университетах под видом пансионерства и т. п. Но против него или, по крайней мере, против его уродливостей, много уже подействует улучшение материального быта коллегии и правительственный контроль, обращенный не на соблюдение одной только законной формы, а на внутреннее содержание. Но несравненно труднее предотвратить апатию и застой, соединенные с nepoтизмом. Против этого сложного зла, самого страшного для самостоятельной жизни наших коллегий, я считаю всякий эксперимент не только позволительным, но и единственным средством, обещающим хотя что-нибудь лучшее, так как употреблявшиеся до сих пор паллиативы: регламентация, предписанная законом заботливость начальства о процветании университета и т. п. оказались вполне несостоятельными.

Есть два только средства, которые нужно испробовать: общественное мнение и конкуренция. Но где их взять? Начальство и регламент можно создать, а эти два развиваются не иначе, как сами собой. Это правда; можно, однако же, многое сделать для их развития.

Общественное мнение для университета может быть трех родов. Оно образуется или в ученном свете, или в образованной части общества, или, наконец, между самими учащимися. Наши университеты поставлены совершенно вне мнения западного ученого света; у нас в России сфера его покуда ограничивается почти исключительно самими же университетами и академией наук. | :350

У нас мнение одного университета, несмотря на общий устав, или, как я думаю, вследствие устава, мало влияет на другой; между ними есть только одна формальная связь, — духовной же, или внутренней, не существует. Еще менее влияет академия на университет. Поэтому, гласность в университетских делах и съезды профессоров у нас, более чем где-нибудь, необходимы, если мы хотим развить общественное мнение нашего ученого микрокосма. Где и чем только можно, нужно способствовать у нас этому сближению. Я твердо убежден, что эта мера, сколько бы ей еще ни препятствовали наши дороги и расстояния, так же существенно необходима для просвещения, как и поездка за границу с ученой целью. То же самое думаю и о связи университета с академией. Мы живем в такое время, когда сильно чувствуется необходимость в сближении чисто научного и прикладного, научного и учебного. Слышатся нередко голоса, что наша академия, с ее чисто научным стремлением, поставлена в какое-то исключительное положение в России. Мне кажется, эта исключительность зависит именно от недостатка связи с учебной деятельностью наших университетов. А в этом-то отношении академия и могла бы иметь огромное и самое благодетельное влияние на наше просвещение. Я знаю, что укажут на Запад; знаю, что препятствия откроются не с одной стороны; но, тем не менее, я не перестану утверждать, что наши молодые ученые, имеющие в виду кафедру, гораздо бы лучше были приготовлены к дальнейшему усовершенствованию в заграничных университетах и лучше бы напитались научным духом, если бы на них было обращено внимание академии. Правда, прежде был уже институт академических элевов. Но он погиб от несвоевременности. Итак, я полагаю, что и у нас можно все-таки развить общественное мнение ученого света, крайне необходимое для университетов.

Общественное мнение нашего образованного меньшинства также слабо. Если мы вспомним, что существование некоторых университетов едва известно обществу; если вспомним, что находились отцы, которые отдавали своих сыновей в пансионеры к профессорам с тем только, чтобы они их выручали на экзаменах;

если, наконец, подумаем, каким малым, — да и то более наружным, — уважением пользуются наши профессора, сравнительно, например, с германскими, то, конечно, усомнимся в действительности нашего общественного мнения. Чины, при скудном жаловании, вывели нашего профессора совсем из его колеи и приучили общество, крепко придерживающееся иерархического начала, смотреть на него совершенно с ложной точки зрения.

Большая часть ищущих университетского образования, это — дети лиц маловлиятельных в обществе; многие из них едва имеют насущное пропитание. Направление учебной деятельности каждого университета не приурочено к потребностям общества; все это не могло его сблизить с университетами, и оно знает про них только с внешней, дисциплинарной, да еще бюрократической стороны; а разделение просвещения в государстве между различными ведомствами препятствовало обществу обратить внимание на университеты и гимназии как на главные рассадники просвещения. Сами университеты безгласные, несамостоятельные, но нисколько и не зависимые от общества, мало заботились о его мнении; они его знали также с одной материальной стороны.

Но если теперь настало для нас время новой жизни, если правительства убедились, что они одни не могут за всем усмотреть и все сделать для общества, то, значит, и пришло время поставить наши университеты в другие отношения к обществу. Сделав их сколько можно более самостоятельными, нужно их еще сделать общественными.

У нас наука — не то, что на Западе; на нее нельзя смотреть с одной только высшей точки зрения; нельзя видеть в ней и одну только прикладную сторону. Наша задача — обнародить ее всеми средствами, которые имеем под рукой. А их у нас немного. Если мы не употребим для этого и университетов и дадим им одно чисто научное, специальное, направление или сделаем их специально научными учреждениями, то — мы достигнем цели только вполовину.

И в Германии, где есть тысяча других средств распространить просвещение в обществе, университеты все-таки употребляют или сами себя употребляют для этой цели, и это не мешает им быть прогрессивными и в высших областях науки. Наши же университеты имеют только поручение от Министерства финансов, за известное вознаграждение, читать публичные лекции из некоторых прикладных наук (физики, химии, технологии), но это дело, как известно, идет очень вяло и по-нашему, т. е. как обязательное исполнение предписаний высшего начальства.

Почему только одни прикладные науки считаются полезными для публики?

Почему в одних столицах только профессора приглашаются читать публичные лекции по другим предметам, а в провинциях, — где это гораздо нужнее, — публичные университетские курсы не входят в обязанности университетов?

Наши университеты привыкли считать себя до того государственными учреждениями, что все их внимание сосредоточилось на одну подготовку для государства людей с дипломами, званиями и правами на чины, а на просвещение края и общества они смотрят, как на дело, для них вовсе постороннее. Из этого вышло то, что для чистой науки они оказались еще мало восприимчивыми, для прикладной — еще мало, а для общего просвещения — слишком много специальными, да еще и слишком замкнутыми. :352 Между тем, прямое назначение наших университетов — это быть маяками, разливать свет на большие пространства и потому стоять высоко и светить.

У нас никто более самого университета не мог бы развить общественное мнение, если бы он взял на себя обязанность разъяснять обществу все интересующие его вопросы, которых теперь немало.

Теперь, когда подняты и крестьянский, и юридический вопросы, и вопрос о народном образовании, — университеты живым голосом могли бы распространять в обществе более здравые понятия и более убедительно, чем журналы и книги.

Нужно увеличить влияние университетов и на гимназии; это также усилит их связь с обществом. Я считаю, в этом отношении, попечительские советы, педагогические институты и съезды учителей в университетских городах важным шагом вперед; но мне кажется, на них смотрят еще легко и на деятельность их не обращают довольно внимания.

У нас нельзя средние училища так резко отделять от университета, как на Западе; нам нужно стараться связать их еще сильнее. Словом, нужно все употребить, чтобы сблизить общество с университетом и развить общественное мнение, необходимое для его жизни. Все меры, однако же, без гласности будут непрочны. Так, реформа какого бы то ни было учреждения, если она должна сделаться действительно коренной, непременно возбудит множество других вопросов, по-видимому, не имеющих к ней никакого отношения. И вот мы видим, что коренное преобразование нашего университета, без решения вопроса о свободе мысли и слова, невозможно. Прежде всего нужно сделать науку независимой, а потом, чтобы противодействовать апатии и застою университета, и нужно поощрять гласность к участию в университетской жизни.

Меня удивляет, например, почему наши журналы так мало знакомят с содержанием профессорских лекций и так редко подвергают их критическому разбору. Нашлось бы много такого, что, верно, заинтересовало бы публику; нашлись бы и настоя-

щие *curiosa*. Автономия без гласности немислима; без гласности она не устоит против своего начала, выродится и вынесет на свет одни недостатки.

Также немислим автономический университет и без общественного мнения учащихся. Есть на свете худые книги, которые много читаются, и худые лекции, которые слушаются. Но если книга вовсе не читается и лекция никем не слушается, то хорошиими их назвать нельзя; в них, верно, есть что-нибудь не так. И мнение читателей и слушателей всегда нужно узнать. Мнение слушателей имеет, конечно, свою слабую сторону, на которую и налегают противники. Им бы хотелось, чтобы заставили читать и заставили слушать, что не читается и не слушается. От этого, однако же, если кто выиграет, то уж, верно, не просвещение. Слабая же сторона заключается, во-первых, в том, что аудитория, может быть, еще не доросла или, что все равно, профессор перерос аудиторию. В этом случае, разумеется, ни он, ни она не могут остаться довольными друг другом. Но очевидно также, что и ни он, и ни она не виноваты, и тут нужно одно из двух: или поднять, или спуститься. Если же сам преподаватель не может сделать ни того, ни другого, то при свободной конкуренции и при свободном учении найдутся другие, а если только слушатели будут этим подготовлены, то без сомнения аудитория непонятого прежде профессора не останется пустой, лишь бы он был точно дельный.

Чем более, впрочем, гимназическое учение будет приноровлено к требованиям университета, тем реже могут встретиться подобные случаи. Во-вторых, говорят, нельзя основываться на мнении слушателей, потому что это значит вводить в искушение преподавателей. Немногие из них не соблазнятся угодить своей аудитории и приноровиться к ее вкусу. Но это возражение направлено против слабости человеческой природы вообще. Мы видим, что и там, где коллегия, не обращая никакого внимания на мнения слушателей, безразлично смотрит на профессора с пустой и на профессора с полной аудиторией, все-таки немногие находятся, которым бы не было приятно видеть у себя более слушателей, а для этого иные стараются также привлечь на свои лекции, а иные не стыдятся жаловаться начальству на пустоту аудитории. Этот *horror vacui*⁹ свойственен одинаково и прогрессистам, и отсталым. Желать и заботиться, чтобы привилось слушателям только содержание науки, это прекрасно; но требовать это, во что бы то ни стало, невозможно. Для этого нужно еще воспитать свою аудиторию, а это дело дается не всякому. Принудительные же меры не помогают. Прежде для такого воспитания заставляли насильно слушателей являться на лекции, перекликали и запирали их на ключ, вместе с профессором, но и это ни к чему не по-

⁹ Боязнь пустоты.

вело; потом экзаменовали по несколько раз в год, — это заставляло учиться для экзамена, а аудитория все-таки не воспитывалась. Теперь, верно, не наберется много охотников испытать эти меры. Всего опаснее, наконец, когда слушатели начнут оценить профессора по его политическим убеждениям. Это зло есть верный признак настроения умов в целом обществе, и оно никогда не берет своего начала в университете; оно никогда долго не господствует в университете, а является периодически и сопровождается перевороты и переходы. И потому, имея его в виду и преувеличивая его значение, вооружаться против общественного мнения учащихся — значит вырывать вместе с сорной травой и хорошую. Нет, университет обязан прислушиваться к их голосу, в котором, несмотря на все увлечения, он всегда услышит довольно правды, чтобы оценить достоинство своих преподавателей, и этот голос будет для него всегда одним из самых верных средств против отсталости и застоя. Университет же автономический без него вовсе неосуществим. Только благоразумию коллегии должно быть предоставлено пользоваться этим средством в меру и в пору. :354

Основать суждение о достоинстве профессора на одном мнении аудитории было бы и не у нас несправедливо и ненаучно; не слушаться его вовсе — нелепо. Кроме отсталости и худого способа изложения науки, о которых слушатели судят верно, по сравнению с другими лекциями, иногда грубые выходки и пристрастие при испытаниях вооружают учащихся против наставников; строгая же справедливость делает это только в том случае, когда другие экзаминаторы слабы из равнодушия, худо понимаемой снисходительности или заискивания ложной популярности. Но все это делается скоро известным, и виноваты, очевидно, не слушатели, а коллегия профессоров. Пусть она скажет себе: «врачу — исцелился сам» и действует, — как? — это ее дело; для этого ей и дается автономия.

Итак, в настоящее время нельзя не допустить слушателей в наших университетах к заявлению их мнений. Нужно только придумать для этого самую удобную формулу. Аплодировать в знак одобрения, как известно, в обычае у французских студентов, стучать пальцами по столам — у немецких; это допущено и считается только в особенных случаях демонстрацией. Напротив, свистать, шикать и стучать ногами, в знак порицания, принимаются всегда за демонстрацию, хотя на так называемое «*heraustrommeln*» профессора в некоторых германских университетах смотрят довольно снисходительно, и дело, обыкновенно, кончается примирением. Как бы эти обычаи ни казались ригористам несоответствующими достоинству науки и слишком рассчитанными на эффект, но они ввелись и их никто не считает вредными. У нас в университетах этих обычаев прежде не было, и потому не было на них ни запрещения, ни дозволения; а теперь — стали привлекатель-

ны. Привлекательно в них, конечно, право на выражение своего чувства и своего мнения, которым всякий желал бы пользоваться. Худого в этом праве, если оно не клонится ни к чьему вреду, нет; худое — в его злоупотреблении. Верным средством против этого-то злоупотребления и считается абсолютное запрещение всех знаков одобрения и порицания. Запретить легко; но запрет придает порывам простого одушевления, иногда произвольным и вовсе незлобным, серьезный характер неповиновения закону. Я сам в молодости не раз аплодировал в парижских госпиталях хорошо сделанной операции, и сам слышал с удовольствием, как мне аплодировали. Хотя в доме болезней и страданий шумные выражения каких бы то ни было чувств| вовсе неприличны, но я хлопал и мне хлопали вовсе не думая и не видя ничего худого, а просто увлекаясь. Другое дело — выражение порицания на лекциях. В этих выражениях заключается действительно худое — обида личности и самолюбия, иногда вовсе незаслуженная и возбуждающая противодействие. Порицание — всегда демонстрация, оскорбляющая достоинство и противная закону. Но, во всяком случае, мне кажется более надежным не формально запрещать, а предоставить все дело благоразумию каждого наставника. :355

Каждый должен нравственным своим влиянием охранять достоинство науки, порядок и тишину аудитории. Допустим, однако же, с ригористами, что все эти внешние выражения чувств на лекциях вовсе неуместны; согласимся, что аудитория — не для чувств, а для мысли. Тогда все-таки нельзя отвергать у мыслящей аудитории права на мнение. Я знаю, что не все так думают. Я знал, например, некогда одного заслуженного профессора, который советовал новичкам в деле преподавания как лучшее средство против застенчивости считать свою аудиторию вовсе глупой, сам же он гласно объявлял своим слушателям, что они — бараны. Да и недавно я слышал от одного ученого, что даже посланные университетами за границу не могут составить себе мнения о достоинстве лекций, которые они посещают. Но я уверен, что такие взгляды не возьмут верх при реформе наших университетов.

Итак, все-таки нужно будет дать университетской аудитории возможность выражать если не чувства, то мнение приличным и законным образом. Иначе нужно ожидать выражений незаконных, взрывов и беспорядков. Где коллегия внушает к себе полное доверие в учащихся, там аудитория слепо верит в достоинство преподавателей, там никто не заботится отыскивать формулу этого выражения. Но у нас избрать этот путь — значило бы попасть в *circulus vitiosus*¹⁰. Мы именно о том и хлопочем, чтобы создать еще коллегия, внушающую доверие.

¹⁰ Безвыходное положение.

При гласности аудитория может выразить свое мнение печатью; но и не доводя до этого, ей нужно дать право высказываться пред коллегией или пред лицом ее представителей. Это право еще необходимее там, где преподаватели — вместе с тем и экзаминаторы. Аудитория может изложить свои требования на письме или словесно, чрез депутатов.

После общественного мнения остается еще конкуренция как самое надежное средство против коллегияльного *непотизма* и застоя. Из всех средневековых учреждений корпорация профессоров подвергалась менее всех нападка современным стремлений. Если и образование осталось до сих пор принадлежностью :356 меньшинства, то наука осталась занятием еще меньшего меньшинства; и только там, где научные стремления перешли границы требований и общества, там уже успел развиться ученый и полуученный пролетариат. У нас, сверх ожидания, он также начинает обнаруживаться, но не от избытка научных стремлений, не от недостатка в охранительной силе корпорации, а от искусственной системы, на которой построены наши учебные учреждения. Они — то манили к себе правами, доставлявшими пропитание только тем, которые вступили в государственную службу, то увеличивали не в меру число студентов, соответствовавшее потребностям общества только во время катастроф. Бедняки всего более привлекались в некоторые факультеты наших университетов, отыскивая в них свою будущность. И вот, мы видим уже врачей, которых едва уже доставало во время войн и холеры, теперь без куска хлеба и вовсе лишних для населений, которые не лечатся. Видим и учителей, и чиновников без мест, а между тем, все-таки чувствуем недостаток в образованных людях.

Конкуренция у нас всегда и везде распределена страшно неравномерно: где ее слишком много, где ее совсем нет. Так и в нашем университете. Число студентов растет непомерно, а конкуренции для профессоров совсем нет, и профессорская коллегия страдает не только застоєм и непотизмом, но еще и атрофией. Причину этого явления объяснить нетрудно. Учатся в университетах не только у нас, но и везде большей частью для хлеба и других материальных выгод. Мы это видим, например, и в Германии. В германских университетах число студентов с каждым годом уменьшается именно по этой же причине, по которой в России оно увеличивается. У нас бедняку, хотя несколько образованному, дорога чрез университет кажется еще самой выгодной, потому что действительно у нас другой для него почти нет; в Германии же открылось множество реальных школ, а места на государственной службе все заняты с излишком, и учащиеся отхлынули от университетов в другие технические учебные учреждения, имея в перспективе должности по частной службе.

Итак, университетская коллегия для своего укомплектования может рассчитывать только на самый малый процент из числа учащихся. Процесс образования профессора совершается не так скоро; по времени он равняется, по малой мере, времени образования двух студенческих поколений. Единственное место для образования профессоров в России составляет почти исключительно университет, и то для многих наук пополам с грехом; а посылать за границу коллегии часто не имели ни права, ни средств. С другой стороны, охранительные корпоративные меры заслоняли к ним вход. Мудрено ли после этого, что им грозит дефицит. При таких условиях, если бы каждый из членов, совершенно отрекшись от эгоизма и забыв его правило: «après nous le déluge»¹¹, стал всеми силами заботиться о замещении своего места молодым ученым, то и тогда бы это дело было нелегкое. Что же теперь можно переменить из этих условий? Очевидно — не время и не место образования. Нельзя также заставить насильно профессора, чтобы он готовил себе будущего преемника, хотя и можно бы было его подстрекнуть к этой нравственной обязанности. Следовательно, остается только или открыть более вход в коллегия, или образовать возле нее другую, менее корпоративную, с входом в нее более открытым, или же, наконец, допустить обе меры вместе. Очевидно, что одно ослабление корпоративно охранительной системы если и увеличит число желающих вступить в коллегия, то все-таки не будет еще надежным средством против nepотизма и апатии. Нужно еще для этого создать оппозицию на самых естественных и самых нравственных началах.

Нужно покровительствовать состязанию свежих сил с застоем. Поэтому учреждение института доцентов при наших университетах сделалось общей потребностью. Но сущность его представляют себе различно. Одни смотрят на него просто как на суррогат старого адъюнкта. Адъюнкт долгое время рассматривался в наших университетах как казенный исполнитель поручений профессора по учебной части — читал составленные им записки и продолжал, по случаю болезни или отлучки профессора, прекращенные лекции; потом он сделался самостоятельнее, исправлял должность менее зависимо, но никогда не принимал участия в делах коллегии, и только иногда призывался в факультет для совещаний по своему предмету. Избранный обыкновенно по одной рекомендации своего патрона, он довольствовался своим незавидным положением, только имея в виду, что рано или поздно он все-таки сделается сам профессором или опять чрез покровительство, или уже по привычке к нему всего факультета. Особенных побудительных причин к усовершенствованию себя в науке не было; главный расчет был основан на покровительстве. Про-

¹¹ После нас хоть потоп.

фессору, даже с высшим взглядом на свое призвание, было как-то неловко отказать человеку в протекции, которого он сам же взялся вывести в люди. И *tacito consensu*¹² было принято, что адъюнкт должен со временем занять место в коллегии. Были, разумеется, блестящие исключения; но вообще этот взгляд на адъюнктов, я думаю, справедлив. Итак, его нельзя рассматривать как рассадник свежих сил, стоявший возле коллегии и заключающий в себе все условия, необходимые для конкуренции. Другие допускают организацию доцентов в смысле германских университетов. В Германии доценты по большей части | подвергаются тяжким условиям для вступления в коллегию профессоров, и конкуренция здесь очень далека оттого, чтобы ее можно было назвать, хотя приблизительно, свободной. Для Германии такой взгляд совершенно справедлив. У нее столько конкурентов, что в особенных льготах и в образовании особенного института не было никакой надобности. И поэтому у нее доцентство находится совершенно в руках коллегии. :358

Для молодого ученого в Германии уже большая награда, если ему коллегия позволит состоять при ней без всяких других материальных выгод, в надежде обратить на себя ее внимание, и надобно удивляться, как некоторые из доцентов, люди бедные, существуют, прилежно занимаются наукой, и еще пишут, при самой малой аудитории и при самом незначительном гонораре. Есть такие, которые живут так же, как бедные *студенты*. Без протекций также не обходится; но общественное мнение уже так сильно, что больших nepотических промахов сделать нельзя или, по крайней мере, трудно. К нам, очевидно, эта система доцентства нейдет. У нас, в подражание Германии, хотели ее вывести, да еще и вместе с адъюнктовством; но эта попытка, как известно, не удалась. Теперь же, кажется, все уже поняли, что доцентство и адъюнктовство несовместимы. Я еще в 58-м и 59-м годах представлял об этом мое мнение министерству. У нас должно организовать или, лучше, создать эту естественную конкуренцию на началах более широких, чем в Германии.

Начнем с того, что у нас студенты вообще беднее. В Германии священники, адвокаты, врачи и чиновники, посылающие своих детей в университеты, относительно имеют более средств, чем наши; потому что жизнь для человека, ищущего образования, дешевле и приспособленнее, а университеты ближе. У нас многие, по бедности, не только не могут оставаться в университете так долго, чтобы получить высшую ученую степень, но едва оканчивают курс, перебиваясь с трудом и теряя время, в ущерб образованию, на частные уроки и другие средства к пропитанию. Таким студентам, конечно, редко приходит в голову ученая ка-

¹² Молчаливое согласие.

рьера; богатые избирают ее еще реже, а людей среднего состояния немного.

Итак, главным средством для того, чтобы увеличить число искателей кафедр, представляется с первого взгляда вспомоществование кончившим курс, если они пожелают остаться при университете. Но с этим средством вносится в университет филантропический элемент, который неосторожно трогать нельзя. Если введутся стипендии, то должно ввести и конкурс. Я сейчас скажу — почему.

Конкурс до сих пор не удавался, так же как и доцентство; поэтому у нас ему мало доверяют. Но он не удавался потому, что не было конкурентов; так на нет и суда нет. Если же будут введены стипендии, то конкуренты найдутся, я не сомневаюсь; какие? — это другой вопрос. Но одних стипендий мало, чтобы увеличить число желающих серьезно заниматься наукой. Для этого нужна еще живая сила: это — деятельность представителя науки, профессора. И на Западе, и у нас, везде заметно, что это число растет в прямом отношении к таланту преподавателя, его занятиям и умению привлечь к науке. Теперь готовится новое поколение профессоров; на них будет лежать эта обязанность, и надобно надеяться, что они поймут ее значение. Им нужно будет позаботиться, начиная свое поприще еще не с увядшими силами, привлечь к науке так, чтобы после можно было кого выбирать. Я знаю, что не только не все профессора, но и не все науки пользуются одинаково привлекательной силой. Кроме этой силы и кроме конкурсов на стипендии, есть еще одно материальное средство возбудить желание к доцентству: сделать перспективу ближе и лучше. Перспектива — это профессорство. Если вступление в него будет *легче*, а материальный быт *лучше*, то охотников, разумеется, будет больше. Но первое имеет ту важную невыгоду, что может нарушить достоинство корпорации, охраняемое замкнутостью. Охранительная система вредна для международных отношений, но в ученую корпорацию без паспорта впускать нельзя, — это аксиома; вопрос только в том, как его выдавать. Я думаю, так: диплом университета и другого высшего учебного заведения дает право на доцентство, но не право на стипендию, если получивший диплом уже прежде не обратил на себя внимания университета своими занятиями и дарованием.

Вступающий в институт доцентов получает право на конкурс и гонорар, но с этим вместе становится под контроль университетской коллегии и отвечает перед законом за направление, если оно окажется вредным. По прошествии известного срока, который определит сама коллегия, он получает и право на стипендию, если она его найдет достойным. Мера достоинства определяется числом слушателей, литературными, другими научными трудами доцента и значением для университета излагаемой на-

уки. Если окажется несколько претендентов на вознаграждение, то объявляется конкурс. Если кто из таких частных доцентов желает сделаться *штатным*, т. е. получить право экзаменовывать на степень, то он должен сам иметь диплом на высшую ученую степень и, сверх того, подвергнуться конкурсу, даже в том случае, когда не будет других конкурентов. Правом голоса на экзаменах пользуются и те приват-доценты, которые по недостатку стипендий не могли получить вознаграждения от университета, а между тем, исполнили два других условия. Лица, и не бывшие приват-доцентами, но имеющие высшую ученую степень и подвергавшиеся конкурсу, делаются штатными доцентами с правом на стипендию. Правом голоса в факультетских собраниях пользуются только те штатные доценты, которые состояли при университете не менее двух лет, и имели слушателей не менее профессора в это время. Штатный доцент, приобретая право экзаменовывать, вместе с тем, принимает на себя обязанность, преподавать известные предметы по указанию факультета и пользуется за это стипендией и гонораром. От факультета зависит принимать доцента и ранее в число членов и даже избирать в профессора, если он представит несомненные доказательства своих достоинств. Число стипендий каждый университет определит сам ежегодно в своем бюджете, который утверждается министерством. Он принимает также и пожертвования частных лиц на этот предмет. Предмет преподавания, объем его, число часов, способ преподавания определяются самим приват-доцентом по частным договорам с слушателями. Гонорар же определяется, как и для профессорских лекций, по числу часов и получается через университетское казначейство. Университет дает свои аудитории, а учебные пособия выдаются приват-доцентам не иначе, как по определению коллегии. Снабжение же учебными пособиями штатных доцентов обязательно; только редкими или дорогими для науки и по цене собраниями, инструментами, препаратами и т. п. они пользуются не иначе, как по согласию с директорами музеев. Если же предмет преподавания требует упражнений в каком-нибудь специальном заведении (лаборатории, анатомическом театре), то издержки покрываются слушателями наравне с другими в пользу заведения. Права на стипендию остаются за доцентом, не принимающим еще участия в делах коллегии, до тех пор, пока аудитория его не опустела. Число приват-доцентов неопределенное; число доцентов-стипендиатов зависит от сумм, которыми будет располагать университет.

Итак, один университетский диплом открывает вход к доцентству при университете; другой, вместе с конкурсом, дает право на вступление в коллегию. Из этого видно, что я, во-первых, принимаю только два ученых звания; во-вторых, считаю конкурс необходимым условием и для получения стипендии, и для полу-

чения других коллегиальных прав; в-третьих, наконец, открываю простор конкуренции, а вместе с тем стараюсь охранить и права корпорации, давая возможность доцентам получать их постепенно или по мере заслуг.

Я знаю, — два диплома, два ученые звания, это покажется у нас мало. Но посмотрим на дело без всякого предубеждения. Не правда ли, что существует только два рода экзаменов: на должность и на звание? Первый, собственно, не касается университетов, и в Германии так называемый Staatsexamen¹³ делается весьма рационально, в особенных комитетах, составленных из специалистов и чиновников. У нас, по недостатку в способных экзами- :361
наторах, нельзя еще этого сделать, по крайней мере в провинциях. Второй — есть существенное право университета, но несущественное условие для получения ученого звания, потому что оно может и должно приобретаться и другим путем, без экзамена.

Всякий, кто научно-литературными трудами, опытностью, талантом приобрел себе имя в ученом свете, имеет и нравственное право на ученое звание. Испытывают не того, кого уже знают, а того, кого не знают; иначе экзамен теряет всякий смысл. Но должности разделяются на разряды; и ученые звания, говорят, также нужно разделить на степени, и каждую из них определять экзаменом. Для чего же это нужно? Что значат эти различные степени ученого звания? Открывает ли у нас каждая из них путь к известной должности или просто служит школьной меркой научных познаний? Первое, хотя и не касающееся университета, имело бы еще практическое значение, но известно, что у нас ученые степени не составляют еще необходимого условия для занятия государственных должностей; второе не имело бы никакого применения к жизни. На деле выходит, что эта градация человеческих сведений была вызвана табелью о рангах, без которой наши университеты не могли до сих пор обойтись. Но если пришла уже пора научной самостоятельности университета, без искусственной приманки на чины, то разные степени на ученые звания теряют свой смысл. Останется только одна, которая дает право на вступление в ученую корпорацию; она везде называется докторством. Она одна, потому что вопрос, на который она отвечает, при экзамене, один, и именно такой: может ли испытуемый, по его сведениям, научным заслугам, вступить в корпорацию? Она отвечает: да. Все прочие степени, как бы они ни назывались, будут званиями на должность, которые мы только по нужде удерживаем при университете. Очевидно, чем менее их будет, тем лучше для него.

Ведь, кроме Китая, нигде нет экзаменов на все бесконечные разряды должностей. Но, допустив одну только ученую сте-

¹³ Государственный экзамен.

пень, — мне скажут, — мы сделаем именно, то, чего стараемся избежать; мы или слишком затрудним вход в университетскую коллегия, если экзамен на эту степень будет очень требователен, или слишком облегчим, если он будет слаб; а избежать этих крайностей трудно, когда не будет других, средних и низших, степеней. Мы убедились, скажут, из опыта, что требовать для профессуры докторской степени стеснительно, и потому мы хотим открыть к ней дорогу магистрам; как же можно уничтожить эту степень? Но, при всех этих расчетах, мне кажется, нас стесняет чин.

Нам трудно представить, чтобы можно было разом шагнуть до VIII класса, не пройдя прежде хоть нескольких ступеней иерархической лестницы. Это, я полагаю, и было **:362** когда-то главным возражением против права держать прямо на доктора медицины. Президент временного медицинского комитета, я помню, должен был, при введении нового устава об экзаменах врачей, математически доказывать, что они без этого права будут обижены в чинопроизводстве на службе. Теперь возражают уже другое: говорят, что университет, раздавая студентам докторские дипломы, унижает ученое достоинство и расплывает не в меру докторов медицины.

Теперь хотят поправить слабость экзамена, зависевшую совершенно от факультета, несправедливостью, и запретить, чтобы никто не смел шагать слишком скоро, несмотря на способности и средства. Как будто закон мало требовал от экзамена; как будто запрещалось испытывать строго и беспристрастно? Забыто и то, что, 20 лет тому назад, я высказал в обстоятельной записке к уставу. Никто не хочет понять, что уже первая медицинская степень дает самое существенное право — на жизнь и смерть; а достигнуть его, учась 5 лет и выдержав один экзамен, считают возможным.

Никто не верит, что ученость, как она ни трудна, делается еще труднее, когда требует опыта и искусства. Рассуждают так: чтобы сделаться ученым в медицине, нужно не менее 7 лет и двух экзаменов, а лечить может и не ученый, проучившись только 5 лет и выдержав один экзамен. Самое трудное, и то, что требует много опыта, знания и искусства, — то сначала. Немцы — так те делают наоборот: они сначала дают степень доктора, а право лечить — после. Наконец, забывают, что прежде, когда медицинский факультет не имел права делать студентов докторами, докторов, правда, было меньше; но они не были лучше, и ни наука, ни просвещение ничего не выигрывали. И эта сбивчивость взгляда все оттого, что чины помешали нам отличить звание от должности. В университете без чинов различие разъяснится. Доктор, какого бы то ни было факультета, — это звание, с которым не соединено понятие о какой-нибудь определенной должности. Учитель, профессор, лекарь — это должность с определенной обязанностью. Звание — это только цена на должность; а чтобы полу-

читать ее, нужно еще подвергнуться выбору, экзамену или конкурсу. У нас до того понятия о звании и должности смешались, что, лет тому назад 25, университеты производили лекарей, а совет при Министерстве внутренних дел — докторов. Эта сбивчивость довела нас до того, что мы и теперь во всяком докторе медицины непременно хотим видеть и лекаря. От этого выходит, что у нас и анатом, и физиолог непременно должен быть и лекарь. Механизм чиновничества, с его постепенностью, применился у нас и к университетским экзаменам. Как никто из нас не может себе представить коллежского советника, который бы не был сначала титулярным и надворным, так мы не можем себе представить и доктора, который бы прежде не был кандидатом и магистром. **:363** Не так давно еще у нас в университете было столько же степеней; и званий (числом 13), сколько чинов по табели о рангах. К чему же это служило с научной или учебной точки зрения?! Защитники этого порядка вещей видят в нем поддержку значения и учебного достоинства каждой степени. Судя поэтому, нужно бы было думать, что наш доктор, прошедший всю ученую иерархическую лестницу и выдержав целых четыре экзамена (на степень действительного студента, кандидата, магистра, доктора), — это верх учености; что почти все наши профессора — самые лучшие представители европейской науки, что они, по крайней мере, втрое и вчетверо стоят выше германских профессоров, из которых большая часть в целой жизни держала не более одного или двух экзаменов на степень. Опыт, однако же, сколько это ни противно нашему самолюбию, не подтверждает такого предположения. Значит, экзамены не имеют такой спасительной для науки силы, которую мы им приписываем. Значит, цель, которой мы хотим достигнуть, увеличивая число экзаменов, — чисто механическая.

Мы хотим механически, одной численностью испытаний и количеством времени, затруднить достижение высшей ученой степени, требуя, например, от доктора трех экзаменов и 8 или 9 лет учения. И действительно, немногие пользуются возможностью приобрести это звание. Но не доказывается ли этим полное недоверие закона к экзаминаторам, или экзаминаторов — к самим себе? Не должно ли заключить из этого, что мы отказываемся решить одним экзаменом, достоин ли такой-то, по его сведениям и способностям, получить звание доктора; и потому прибегаем к повторению, с увеличением каждый раз наших требований. Но, я знаю, мне скажут, что несколько различных экзаменов нужно удержать для тех, которые захотели бы остановиться на одном из низших и не идти выше. Но для чего же тогда сохранять такую постепенность? Для чего не рассудить, например, так: из четырех степеней две (магистр, доктор) открывают дорогу в университетскую коллегия и на службу, а две — только на службу; в каждой из двух, исключая разницу в чинах, только одна име-

ет существенные преимущества; так, магистры и доктора имеют оба одинаково право быть членами ученой коллегии; оба могут быть прямо определены в департаменты и канцелярии министерств и отдельных главных управлений; и действительный студент с кандидатом, оба, не имея прав первых двух степеней, могут быть определены по всем гражданским ведомствам, к одним и тем же должностям. Следовательно, из четырех степеней, существенно различных, две: одна — более служебная, другая — более ученая. Правда, покуда различие между ними только количественное, так как экзамены отличаются только | степенью требуемых сведений; но это потому, что экзамен на должности по гражданской службе, собственно, не дело университета и остается при нем по нужде. Неужели же, пристрастившись к бюрократизму и к принципу устрашения числом испытаний и сроков, мы должны для этого удерживать все ненужное число ученых степеней? :364

Но наша незрелость — скажут — требует еще определять экзаменом все оттенки сведений. Без этого — скажут — знание останется без поощрения, станет наряду с полужнанием и заглохнет. Надобно признаться, — тут есть доля правды. У нас и полужнание еще в ходу; у нас и тот, кто кончил университетский курс, не выдержав никакого экзамена, может быть еще полезнее многих других. И вот, отчасти это, отчасти сострадание к безвыходному положению бедняков заставляло удерживать все низшие степени учености и делать из них настоящее *asylum ignorantiae*. Поэтому нетрудно объяснить отчего иные хотят даже ввести прежние три степени лекаря. Действительно, куда девать тех, у которых невежество переходит точку замерзания? Так, если из двух степеней, нужных для определения к гражданской должности, оставить одну, положим, кандидата, то все, что выше нуля, может еще войти в нее, но куда поместить то, что ниже? Туда же? Это будет уже как-то неловко. Если руководствоваться такими соображениями, то, конечно, нужно остаться при прежней системе. Но если принять другой принцип, по которому экзамен рассматривается не как школьная оценка всех возможных оттенков знания цифрами и дробями, а как положительное решение определенных вопросов словами: *да* или *нет*, степеней окажется всего-навсего две. Одна будет служить цензом для гражданских, другая — для учено-учебных должностей. Экзамен для первой (только по необходимости университетский) будет отвечать на вопрос: образован ли испытуемый настолько, чтобы занять *среднюю* должность в гражданском ведомстве? (низшую могут занять и те, которые только кончили курс в университете; а высшую — те, которые получили ученое звание или приобрели опытность на службе). Экзамен для второй ответит на вопрос: имеет ли испытуемый достаточные сведения для получения права вступить в университет-

скую коллегия? Да или нет? Одна будет звание кандидата, другая — доктора.

А чтобы и те не пропадали даром, которые прослушали весь курс наук в университете, но не держали или не выдержали экзамена, — пусть получают удостоверение от университета с правом занимать низшие гражданские должности, пока сами не захотят снова подвергнуться одному из двух испытаний. Но почему одно из них не может существовать без другого; почему экзамен на доктора должен непременно включать в себе и экзамен на кандидата; для чего требовать, что нужно, но не разом, а в несколько приемов, колеблясь и не доверяя себе? — этого я не понимаю, и в пользу этой ученой инквизиции, так же как и всякой другой, убедиться не могу. :365

Возвратимся теперь к доцентству. Оно, как оппозиция застою и непотизму, должно быть учреждением более подвижным, чем коллегия, которую оно снабжает свежими силами. У нас много студентов, а мало охотников до профессорства; доцентство же еще совсем пусто. Так, изменив систему экзаменов, откроем настежь двери в пустое место и скажем: пусть всякий, кончивший курс и выдержавший экзамен в каком бы то ни было высшем учебном заведении, вступит в доценты; он получит и стипендию, если будет иметь слушателей, — получит и право голоса на экзаменах, если предъявит диплом на ученую степень; может, наконец, не только преподавать, получать стипендию и гонорар, но и участвовать на экзаменах и иметь голос в коллегии, если в два года докажет на деле свои способности. А это могут доказать: его докторский диплом, полная аудитория, конкурс. Эти условия не стеснительны и справедливы. Один экзамен, хотя бы он назывался и «докторским», выдержать не будет так трудно, как теперь. Пусть будут докторами и те, которые, по нынешнему, были бы только магистрами; сделайте из докторского экзамена магистерский, — в этом беды нет никакой; чина не будет, — для науки все равно; магистр для нее может столько же сделать, сколько и доктор, а отличить их знания по экзамену — для этого нормальных логометров еще не найдено.

Конкурс нужен для беспристрастия, разумеется, тогда, когда есть налицо конкуренты; а если их будет хотя двое, то они, верно, сами хотят лучше гласного конкурса, чем скрытой баллотировки. Наконец, слушатели для доцента еще необходимее, чем читатели для автора. Но доцентство, без свободы, выбора лекций, без немецкого *Lernfreiheit*, неосуществимо. Итак, студентам предоставляется выбирать между профессором и доцентом, когда оба читают один и тот же предмет. Наше доцентство, покуда еще бумажное, может быть, останется попрежнему пустым, а может и будет не в меру полным. Это решит перспектива. Вход в корпорацию не

будет замкнут тремя экзаменами: дойти до него можно будет и в 5 или 6, а не по-прежнему — в 8 или 9 лет.

Итак, главное: будет ли привлекательна сама корпорация? Если, при ее самостоятельности, и существование каждого члена будет более обеспечено, чем теперь, то, я думаю, конкуренты явятся. А если будет их слишком много, то и это не худо: тем больше выбора. Экзамены, конкурсы, выборы — дела чрезвычайно эластические. Их регламентировать нельзя. Но и этих трех мерок знания я предпочитаю все-таки конкурс. Против него можно сказать, что он не везде удобен; но утверждать, что он — то же, что и выбор, с теми же самыми невыгодами, — это значит совсем не понимать его значения. В нем есть и экзамен, и выбор, да и еще открытое соревнование. Пока нет еще конкурсов, то, разумеется, и его нет. Он будет когда будут налицо в одной мере известные или в одной мере неизвестные по их достоинству. У нас, при лучшей обстановке и университетского быта, который мы вправе ожидать от реформы, вероятно, встретятся и те, и другие. Если доценты, из которых коллегии придется выбирать, будут баллотироваться без конкурса, то пристрастие, настоящее или кажущееся, для доцентов, неизбежно. Каждый из них будет всегда считать себя равно достойным, а коллегии не расчет раздражать их против себя. Конкурс же имеет в себе для молодых людей то привлекательное, что он в глазах их всегда менее произволен, чем простой выбор. :366

Каждый кандидат на конкурсе получает возможность высказаться и показать, сколько может или сколько сумеет, свое достоинство. Это одно уже удовлетворяет более или менее самолюбие. Всякий убеждается своими глазами, что ценили его достоинства. Каждый, имея в виду конкурс, готовится деятельнее. Это для конкурентов. Но судьи — скажут — остаются все те же и для конкурса, и для выбора. Конец концов — все-таки тот же выбор, тот же взгляд, те же страсти. Правда; но на конкурсе закрытой или открытой баллотировке предшествует гласный и открытый акт, который всем судьям дает в руки важный материал для оценки. Можно судить и по литературным трудам, и по другим научным заслугам, и даже вернее. Но нагляднее конкурса нет ни одного средства. И вот, представляются три случая: или есть налицо два кандидата, оба известные своими трудами и заслугами; или же есть двое неизвестных; или, наконец, один известный, а другой готовый обнаружить свои способности и знания на конкурсе. Первый случай может встретиться только в центрах образованности, где наука процветает; он служит там сильным поощрением таланта и деятельности, поэтому в централизованной Франции конкурс был явлением естественным и знаменательным для науки; в Германии, где нет централизации, не было и конкурса. Второй случай чаще встретится у нас, если разовьют-

ся доцентство, хотя и все доценты будут, более или менее, известны коллегии, по числу слушателей, по личному знакомству с профессорами, по их занятиям; но конкурс приведет в ясность их достоинства для всей коллегии, удовлетворит, как сказано, самолюбию кандидатов и представит коллегии более беспристрастной в их глазах. Но еще лучше для просвещения, для науки и для дарования — там, где представится третий случай. Там разовьется истинное соревнование в новом поколении.

Общественное же мнение развивается всяким конкурсом. Закрытый выбор, какого бы рода прения коллегии ему ни предшествовали, все-таки, в сущности, безгласен. Его можно сравнить с судом инквизиционным, а конкурс — с гласным. И как бы ни были равнодушны и апатичны присутствовавшие на конкурсе, они не могут молча положить шар, не сказав своего мнения; как бы ни были пристрастны судьи, им неостанется духа восстать против очевидности; самая тонкая казуистика уступает грубой наглядности факта. Поэтому-то и должно требовать от конкурентов самых наглядных доказательств их способностей. И наш нынешний конкурс *par distance* свидетельствует, что наши университеты знали его только с худой стороны. Я принимал участие только в четырех конкурсах, и о двух знаю в подробности по наслышке. Я знал наверное, что между судьями были люди уже с готовым мнением, но я видел также ясно, какого труда им стоило проводить свой взгляд и как они принуждены были оставаться на половине, уступив очевидности фактов.

Итак, если мы хотим, заправду, образовать у нас общественное мнение, возбудить соревнование и действовать против nepотизма, то мы должны всеми силами отстаивать конкурс и вводить его везде, где только представится случай. Основываясь на этом убеждении, я предлагаю его и для раздачи стипендий доцентам. Разумеется, все они захотят быть стипендиатами. Как судить тут? По одному числу слушателей? Это было бы односторонне. Это условие слишком подвижное, число нередко колеблется; а по конкурсу коллегия лучше познакомится с достоинством доцента и покажет себя более независимой в глазах студентов. Но эта независимость, однако же, не должна превышать меру, и число слушателей всегда должно оставаться на передовом плане. Но для этого конкурсы непременно должны быть публичные. Превратные понятия о конкурсе у нас образовались от того, что его никогда не делали серьезно. Его обыкновенно считали за одно с формальным чтением пробных лекций нашими адъюнктами; а это, известно, делалось так: сначала выбирали адъюнкта, потом давали тему и заставляли его читать в присутствии факультета и членов совета одну или две лекции, на одном, двух и даже трех языках (сам был свидетелем), и все дело оканчивали *tacito consensu*. Я знаю, что все можно испортить; можно и конкурс сделать хуже

выбора; но не нужно говорить, что он в принципе то же, что выбор. Лишь бы явились доценты, а там увидят, что без конкурса нельзя будет регулировать их отношения к коллегии.

После выдержанного конкурса доцент получает право экзаменовывать; без этого нельзя рассчитывать на успех. Как бы жизненное условие доцентства — выбор лекций самими слушателями ни был свободен, как бы лекции доцента ни казались студенту полезнее профессорских, он всегда предпочтет профессора доценту, если один будет давать свой голос на экзаменах, а другой — нет. Это так в германских университетах, но там нужно доцентство сдерживать, а у нас — поддерживать. Кто поручится слушателю, что профессор не косо смотрит на доцентскую аудиторию и, при экзамене, нисколько не намерен выместить свое неудовольствие? Дай бог, чтобы этого никогда не было; но и наводить на такие мысли не нужно. Тоже и с гонораром, без которого осуществить доцентство едва ли возможно, хотя это будет камнем преткновения. Если останется наша теперешняя система платы за учение, при которой профессор ничего не получает за лекции, а лекции доцентов будут обложены гонораром, то опять преимущества остаются на стороне профессора. На его стороне — и авторитет, и ученые пособия. Доцентство не выдержит конкуренции. Наша плата за учение в университетах введена, как известно посвященным в дело, случайно, по поводу ремонта университетских зданий, и собственно не имеет отношения к учению. Правда, с некоторого времени часть суммы, составляющаяся из этой платы, расходуется на учебные пособия, на поездки профессоров за границу и т. п.; но первобытное ее назначение был все-таки ремонт. Теперь, возможно ли, при свободе учения, которое есть *conditio sine qua non*¹⁴ университета, чтобы студент ежегодно вносил равную плату за учение? Это будет тогда пошлина за право учиться в университете. Так оно теперь и есть. Будь это действительно плата за учение, то на каком основании учащийся платит одно и то же, читаются ли ему все положенные науки, или нет? Кафедра, например, год и два, три, стоит вакантная; ему или совсем не излагают науку, или не вполне, а он все-таки платит одно и то же. Или: за что с него требовать, и в настоящем, и в будущем году, ту же плату, когда он в 62-м году выбрал для своих занятий только два, а в 63-м — четыре предмета? В 62-м студент хотел практически заняться химией или анатомией и не мог посещать более двух лекций; или он не был при деньгах и не мог более платить, как за две. В 63-м его обстоятельства поправились, и он охотно вносит за четыре.

Положим даже, что нынешняя оптовая плата за учение так умеренна, что в сложности, — в течение целого курса, — не будет

¹⁴ Необходимое условие.

превышать платы дробной, за каждый предмет; но ведь для небогатого не все равно, заставят ли его платить 20 рублей разом, когда он может заплатить только 10, или позволят ему распорядиться годовым бюджетом так, как ему выгоднее. А для учения разве это хорошо, если меня в одном году заставляют слушать и платить за слушание четырех или пяти предметов, тогда как меня, что называется, тянет заняться одним или двумя?

Итак, дробная плата, очевидно, и справедливее, и более| при- :369
способлена к свободному учению. Но если она введется, то такса за лекции должна быть одна и та же как для профессора, так и для доцента. Тогда декан, с согласия факультета, должен объяснить всем вступающим в университет, как, по его мнению, они должны распределить свое учение, в какой последовательности должны проходить одну науку за другой. Но это будет только совет наставников, не более. Гонорар вносится в казначейство, и там составляются списки, по которым можно бы было судить о числе слушателей каждого профессора и доцента. Освобождение от платы будет зависеть в известных случаях, от самого правительства, во всех других — от совета, который должен руководствоваться положительными правилами. Частных сделок об освобождении с профессорами и доцентами допустить нельзя. Это даст повод к различным столкновениям и ложным слухам. Для общей пользы учреждения лучше будет, если коллегия возьмет на себя и хорошую, и худую сторону дела. Экзамен не нужно вмешивать в освобождение от платы. Опыт показал его несостоятельность. Как ни мало надежды на наши *testimonia paupertatis*¹⁵, несмотря на печати и подписи, но все-таки не остается другого средства, как принять только бедность, — хотя бы и мнимую, — за принцип освобождения.

Отцы, если бы они более заботились о своих детях, могли бы узнать, что сыновья прогуливают плату за учение и потом просят отсрочек, а вместо этого сострадательные родители сами хлопчут достать свидетельство о бедности и потворствуют праздности и разгулу.

Но, вот, предположим, доцент обеспечил себя стипендией и гонораром, получил право экзаменовывать и сделался уже участником в делах коллегии; теперь рождается вопрос: как сделаться ему профессором? На чем основать его выбор? Опять на конкурсе или просто на баллотировке?

Этот вопрос заставляет меня возвратиться назад. Я не могу себе иначе представить хорошо организованный университет, как с полным правом распоряжаться своим бюджетом и с полной ответственностью перед законом, совестью и наукой в правильности своих распоряжений. Я представляю себе, что пра-

¹⁵ Свидетельства о бедности.

вительство назначает известную сумму на каждый университет, соображаясь, во-первых, с своими финансовыми средствами, во-вторых, — с существующим теперь штатом каждого университета. Зная с математической точностью, сколько оно может дать, сколько оно должно дать, чтобы обеспечить существование каждого члена и все учебные потребности науки, оно дает составленную по этому расчету сумму в полное распоряжение каждого университета и требует, чтобы: 1) учащиеся всех факультетов имели возможность получить | полное и современное научное образование; 2) все факультеты были бы снабжены необходимыми учебными пособиями; 3) каждый университет был бы вместе питомником нового поколения наставников; 4) соответствовал бы всем научным потребностям края, был бы для него центром просвещения — и 5) нес бы на себе ответственность перед правительством в законности и правильности своих действий, контролируемых Министерством народного просвещения. Каждая университетская коллегия, следуя этим началам, прежде всего определяет норму годового профессорского содержания. Она должна иметь в виду человека семейного, без всяких других доходов, и сообразоваться с местными справочными ценами. Потом она определяет учебные пособия, число кафедр по факультетам и, наконец, бюджет каждой из них, сообразуясь с свойством предмета (чисто научным и научно-прикладным), с научными достоинствами лица и возможностью, с его стороны, иметь другие занятия, приносящие доход, не вредя преподаванию. Известная часть бюджета (примерно равняющаяся бюджету одной или двух кафедр в каждом факультете) назначается на стипендии, на содержание по частным договорам с приглашаемыми лицами, на ремонт зданий и т. п. Если коллегия, не доверяя себе, или по другой причине, отказалась бы от неравномерного распределения бюджета по кафедрам, то она обязана тогда представить в высшую административную инстанцию (министерство) все данные, по которым бы оно само могло назначить бюджет для каждой кафедры в отдельности. Предположим теперь, что при такой обстановке кафедра делается вакантной и есть в виду доцент, или же нет вакансий и имеется в виду замечательная личность, желающая занять кафедру. Если доцент, на котором мы остановились, подходит к первой категории и кроме него нет никого другого, то, казалось бы, и дело кончено. Так и бывало прежде с адъюнктами. Из этого и происходило понятие о неизбежности, которого в доцентстве, как в учреждении свободном, не должно развивать. Есть ли в виду только один кандидат на вакантную кафедру, есть ли их несколько, во всяком случае нужно согласиться, на чем основывать оценку достоинств. Мы имеем для этого научно-литературные труды и другие научные заслуги, рекомендацию известных ученых, отличный способ изложения предме-

та, доказывающий знание и способность, и число слушателей на лекциях. Каждое из этих условий, взятое отдельно, еще недостаточно, но между тем, каждое так важно, что без него все другие теряют свою силу. Так, отличнейший ученый без слушателей будет едва ли на своем месте. Профессор с полной аудиторией, но без всяких заслуг в науке и не известный никому, кроме своих слушателей, также явление неутешительное. Доцент, участвовавший уже в делах коллегии, будет, конечно, ей известен. Нетрудно будет убедиться в числе слушателей, в способе преподавания, в его научной деятельности; серьезных литературных трудов от него требовать нельзя. Так, при этих условиях, конечно, все равно, как бы его ни выбирали; он один, и о нем мнение уже сформировалось. Так лучше просто, без всего, поручить ему преподавание, увеличить содержание, но и не оставлять окончательно за ним кафедры. Если же доцентов не один, а двое, то, как бы один ни казался лучше другого, я все-таки считаю конкурс необходимым; без него понятие о неизбежности легко развивается и губит конкуренцию.

Итак, если, кроме доцентов, нет других лиц, которых бы коллегия ставила и выше конкурса, и выше выбора, то бюджет вакантной кафедры должен быть снова определен коллегией, смотря по достоинству и заслугам доцента, принимающего на себя обязанность профессора. А как заслуги доцента редко так будут велики, чтобы он мог получить все содержание, то остаток от этого бюджета должно назначать на увеличение других доцентских стипендий, на учебные пособия и т. п. Другое дело, если нет вакантной кафедры, да есть достойная личность. Ее приобрести, я думаю, — прямой интерес коллегии. Если научная и учебная заслуги одного лица несомненны, то коллегии, одна перед другой, должны стараться привлечь его к себе и войти с ним в переговоры. Такое приобретение, несмотря на полный комплект кафедр, никогда не будет лишнее. Это будет новый капитал, новая сила коллегии. Разумеется, тут о конкурсе говорить нечего.

При конкуренции, при содержании, определяемом не должностью, а личными заслугами, можно надеяться, что научное соревнование не заглухнет в доцентах. Оно будет этим же поддерживаться до известной степени и в члене коллегии. Но учить 25 лет — не шутка. Правда, на Западе кафедра пожизненна. Правда, — старый профессор, идущий вперед, не оценим. Счастливые натуры, однако, везде редки. Двадцатипятилетний срок с пенсией делает честь нашему законодательству. Но на деле этот срок у нас едва ли не пожизненный. Между тем, у нас именно научное как-то изнашивается и выдыхается скорее, чем где-нибудь. У нас, в университете, 25 лет — это век. Рассчитывать на то, чтобы наши кафедры всегда замещались людьми, уже известными в науке, нельзя. Вся наша надежда на доцентство.

Но кафедра, с перспективою 25-летнего владения ею, вводит в искушение. Сколько я видел уже всходивших на нее с блестящими надеждами и через 20 лет не узнавал их! Что же, если 25 лет невозмутимого покоя усыпят и свежие силы? Если эта перспектива сделает и оппозицию безгласной? Нет, нужны могучие силы целого общества, чтобы поддержать личную деятельность. И я думаю, что для нас еще мало поощрительных мер конкуренции. Нам еще нужна необходимость. | И с кафедры нам должно видеть :372 ее не в дальней перспективе, а на середине поприща. Как сделать это — другое дело. Я соглашаюсь, что меры, которые я предложил (в замечаниях на проект), стеснительны. Но это — свойство всех будильников. Я сам знаю, что переоценка жизни на середине жизни, сделанная не тем, кому она принадлежит, — это насилие, это грубый толчок, но он страшен только тому, кто крепко спит. Я, впрочем, нисколько не отстаиваю моих мер, я отстаиваю принцип. Не забудем, что наши профессора, будут ли они выбраны из доцентов, или нет, обыкновенно приносят с собой на кафедры только надежды. Когда же они оправдаются, если и на середине поприща будут одними надеждами? Пусть будут для самолюбия не так приятны пустая аудитория и малый гонорар; ни пустота, ни дефицит не тронут 25 лет с места; а это убеждение очень приятно для застоя. Время искуса — на первом полупоприще профессорской жизни. Если кто увидит, что он не разгадал себя и попал не туда, то сойти еще не поздно; жизнь на середине, силы не в упадке, дорог других много. Каким образом убедиться в заслугах, об этом можно спорить, но что убедиться необходимо — это бесспорно. В Германии литературные труды в науке, и ученики, вышедшие из школы профессора, признаются мерой его достоинств. И вправду — другой, более верной, нет. Приладят ли ее когда-нибудь и к нашей почве — это вопрос. Решится ли он — не знаю. Но решать его нужно, оттого что нам нужны и такие труды, и такие ученые.

Автономия потому есть неотъемлемое достояние науки, что наука себя ценит. Если же закон дает это право представителям науки в государстве, если он заботится развить общественное мнение, вносит свежие силы, а коллегия не находит средств беспристрастно ценить себя, то это значит, что она сама делает приговор своей автономии, переносит суд вне себя и передает его в руки другой инстанции. Вся будущность нашего университета — в этом приговоре.

Перехожу, наконец, к направлению университета. Реформа предпринимается, чтобы удовлетворить потребностям общества. Обществу нет дела до того, что такое университет, что такое наука, что значит связь наук. Будет ли это университет в самом деле, или только по названию, или будет называться иначе, — это для большинства все равно. Если для хлеба уже нужно образование,

то главное, чтобы оно было недорого и тотчас же шло бы в дело. Вот взгляд толпы. Этот взгляд не у нас одних. В ученой Германии университеты уже пустеют от него. Правда, для грамотного меньшинства университет еще привлекателен, но не сознательно.

Между тем, видя, как растет у нас университетское население, все-таки подумаешь, что не может же это делаться так бессознательно. Посмотрим. |

:373

Что такое студенчество — не у нас, а везде?

Жажда знаний, известно, тревожит немногих. Тревожимые образуют в университете группу — едва не микроскопическую.

Жизнь общества неизбежно отражается в общественных учреждениях.

Его нужды пробуждают интересы и дремавшие склонности, отсылая их в университет. Вот вторая группа разной величины.

Ее передовые, в свою очередь, возбуждают подражание, которое, делается, наконец, безотчетным в интересах, неразборчивым в склонностях. Вот начало третьей, самой большой.

Подражание, безотчетное не только в интересах и склонностях, но и вообще, это — мода. Мода, преимущественно сословная, выводит на свет четвертую группу.

Про микроскопичность первой говорить нечего. Происхождение второй и третьей доказывается разными фактами. Так, лет 40 тому назад, когда Германия нуждалась в юристах и медиках, юридический и медицинский факультеты до того переполнились, что правительства, наконец, принуждены были предостерегать отцов, чтобы перестали посылать в университеты детей. Но это длилось еще довольно долго и многих сделало без хлеба.

Когда число наших студентов, кроме медиков, было ограничено, то наплыв в медицинский факультет продолжался еще долго и после того, как ограничение было уничтожено.

Потом разнесся слух, что несколько математиков, кончивших курс в университетах, получили выгодные места, и вдруг начал наполняться математический факультет. Поднялся юридический вопрос, и вот уже в некоторых университетах делается больше юристов, нежели медиков.

А студенты-феодалы, студенты-баричи и паньчи служат доказательством тому, что мода, — и именно сословная, — заставляет людей не только ездить за море, но и учиться в университетах.

Итак, сознательного во всех этих элементах немного; да и то, что есть, сознает только в себе влечение или способность удовлетворять требованиям общества, но не науки и, следовательно, не университета. А требования того и другого не всегда сходятся и не всегда могут сойтись.

Найди большинство возможность удовлетворить требованиям общества, помимо университета, оно тотчас же от него от-

хлынет. А меньшинство удержится модой, преданием и любознательностью, переживающей предание.

Из этого рождается вопрос: университет для большинства или для меньшинства? Из этого — другой: наука — госпожа или слуга общества? По рождению она имеет за собой «le droit divin», но не такое, чтобы могла сказать: «общество —| это я». Общество **:374** ее воспитало для себя, но не в слуги себе. Отношения могут уладиться только по договору.

Общество тогда только и начинает жить, — а не просто расти, — когда все, чем оно живет, — язык, вера, обычаи и предания — слагаются в науку.

Так за наукой, по этому договору, остается и законодательная, и судебная, и всякая другая власть, со всеми правами, кроме кулачного.

Жизнь общества, которой живет и наука, — поэтому и та, и другая, — развивают в нем все более и более новые потребности.

Наука обязывается удовлетворить их. Но общество обязано не нарушать свободы изыскания, на которой основана законодательная власть науки.

Все не рождены посвящать себя служению этой власти. Многим суждено понимать ее значение.

Для изучения этой-то законодательной власти науки, следовательно, для меньшинства, общество и обязано основать особые учреждения.

Это учреждение есть университет.

Зато наука, обязанная удовлетворить потребностям общества, — которые развить сама способствовала, — должна внести свои начала в другие его учреждения.

Эти учреждения — прикладные и реальные.

Итак, что же? Университет для избранных, для меньшинства, без приложений, чисто научный, отвлеченный? Может ли он быть современником девятнадцатого века? Можно ли так обходить потребности общества? Можно ли теперь делать науку достоянием меньшинства и тратить огромные капиталы для его образования?

Возражения серьезные; их обойти нельзя.

Представляются три пути. Можно усилить предварительное образование и этим сделать университетское гораздо доступнее. Но, собственно, доступным оно все-таки останется для меньшинства. Меньшинство, и лучше приготовленное, вступив в университет, все-таки распадается на те же самые группы. Это мы видим на Западе.

Можно приноровиться к одному большинству: сделать университет прикладным, т. е. оставить за ним одно название, понизить уровень учения, ограничить свободу учения, ввести школьные приемы. Но это значит пожертвовать меньшинством, отло-

житься от избранных и, слишком доверяя энергии любознания, предоставить их самим себе.

Можно соединить то и другое вместе. Сделать университет питомником избранных и доступным для большинства, — оранжереей и садом, научным и прикладным.

Этого-то и стараются достигнуть, но с опасностью нарушить целостность и единство научного элемента. |

:375

Уже давно убедились, что есть науки, которые, по самому их свойству, не могут быть не прикладными, которые, вращаясь в ограниченной области фактов, не терпят почти никакого отвлечения, распадаются на мелкие отрасли, требуют других общественных учреждений и в недрах самого университета делаются основанием отдельных, специальных школ. К таким наукам, например, давно уже принадлежит медицина.

В наше время на Западе прибавились еще и другие отрасли наук, которые потребовали таких технических сведений, пособий, что уже скоро потеряли связь с университетом, перешли в реальные школы и перетянули сюда едва не большинство, искавшее прежде образования в университетах.

С другой стороны, государства для своих громадных предприятий то учреждали специальные школы, без всякой связи с университетом, то, перенося свои требования в самый университет, обращали всю его деятельность на образование специалистов, и тем разрывали научную связь целого.

Наконец, огромное скопление научного материала возводит различные отрасли знания на степень наук, следовательно, самый прогресс науки начинает также нарушать их органическую связь.

Итак, с одной стороны, стремление сделать университет доступным для масс; с другой — стремление каждой отрасли знания к индивидуальной самостоятельности, — вот силы, колеблющие вековое здание.

Но еще живут передовые люди. Их дух и слово напоминают распадающейся семье наук общего родоначальника. Ни огромность материала, ни раздробление не устрашают их в борьбе за целостность научного организма. Они отстаивают заповедную связь всех человеческих знаний и не дадут науке сделаться вавилонским столбом для строителей.

А закон самосохранения должен напомнить обществу, что самые благотворные его учреждения, ведущие к скоплению масс, рождают недуги, вредные и для масс, и для самой цели.

Которым же из трех путей должен идти наш университет?

Чего требуют от него государство, общество и наука?

Государству нужно в университете образование в известном направлении нового поколения, которому оно обещает за это известные права. Но эти права для государства — дело второстепен-

ное. Оно дало их некогда университету, чтобы привлечь к образованию. Общество же, т. е. грамотное меньшинство, прежде расходившееся с государством во взглядах на университет и ставившее в нем на первом плане права, а образование — на втором, теперь начинает сходить в том отношении, что считает уже и образование, и права для себя выгодными.

Нужно ли же привлекать или отвлекать?

Государству нужны образованные люди, еще нужнее — специалисты. Общество также ищет образования: но, главное, ищет :376 обеспечить существование своего поколения хлебом и известным положением в государстве; а так как государству нужны специалисты, то общество в образовании их находит свою выгоду.

Следовательно, привлекать нет необходимости.

Отвлекать может казаться нужным государству, когда оно видит, что масса учащихся растет и вносит стремления, не имеющие ничего общего с наукой, что учебные пособия делаются недостаточными, и университет не может дать большинству то, чего оно ищет. Это значит, что наступило время для новых учреждений, которые могли бы выгоднее удовлетворить потребностям массы, учреждений прикладных и реальных, но так же как университет требующих подготовки общечеловеческим образованием. Это мы и видим теперь на Западе. В классической стране университетов, в Германии, большинство тотчас же поняло, какую огромную выгоду, — неосуществимую при университетском образовании, — доставят ему высшие реальные школы, и отхлынуло туда из университетов. У нас также пора заботиться об удовлетворении этой потребности общества; но нам еще необходимо и общечеловеческое образование в университете, да и необходимы *такие* специалисты, образование которых немислимо вне университета. Другого отвлекательного средства, полезного обществу и государству, — нет.

Затруднять большинству вход в университеты регламентацией, экзаменами в самом университете, обязательными курсами и т. п., и для государства, и для общества, и для университета положительно вредно.

Для государства не может быть выгодно, если потребности большинства не будут удовлетворены, и оно останется в безвыходном положении. Это ведет к пролетариату и недовольству.

Для общества теряется образование целого поколения. Допустив даже, что трудность вступления в университет и заставит общество на будущее время лучше готовить молодежь в средних школах, то все-таки прошедшего не воротить. Пройдут еще годы, и что станет с целыми сотнями людей, имевшими прежде возможность познакомиться с наукой в университете, хотя бы и по наслышке? Они отупеют и сгинут; они рассеются по провинциям, и будут вредны для государства.

Для университета, наконец, — и это главное, — эти меры вредны тем, что они его выводят из настоящего положения, делая из свободного учения искусственную дрессировку. Правда, курсовые экзамены и обязательное учение, если это будет не одной только формальностью, сделают университет университетом меньшинства; но какого? — Не того, которое развивает на свободе свои дарования и охоту к науке, не того, которым дорожат настоящие университеты так, что готовы существовать для него одного, но меньшинства, которое узким экзаменационным направлением влачится к посредственности. :377

Посредственность, — говорят, — нам-то и нужна, а талант сам найдет себе везде дорогу. Это заблуждение, против которого нужно восставать. Талант везде нужнее посредственности, а у нас — во сто раз. Талантом живет посредственность. Где задача образованного — распространять образованность в окружающей среде, там талант — жизненная сила общества. Поэтому, как бы обществу, — и именно нашему, — ни были нужны руки, ему в сто крат нужнее головы. Всякая школа славна не числом, а славою своих учеников. Но талант не так несокрушим, как думают. Его можно погубить, и даже легко. Его не нужно представлять себе гением, или демоном, одаренным страшной энергией воли. Талант, неокрепший, гораздо легче сбить а толку, чем посредственность; его легче привести в противоречие с собой и со всеми окружающими. Не давая ему развиваться на свободе, его можно довести до того, что он будет казаться ниже посредственности и сделается зимоспящим. Да не только талант, и простую любознательность нетрудно заглушить обязательным и экзаменационным учением. Я помню, как меня самого парализовали экзамены. Ничего я так скоро не забывал, как то, что обязан был приготовить для экзамена. Лет 30 после того, если я ночью пробуждался от неприятного чувства, то это почти всегда было приготовление к экзамену во сне. Ни одной наукой я не занимался так нехотя, как той, которой учился для экзамена, и ни одна лекция не наводила на меня столько дремоты, как обязательная. Но я далек от того, чтобы считать для всех университетов всякую обязанность и экзамен несовместными с университетским образованием. Об этом еще речь впереди, а теперь перейдем к другому вопросу.

Должно ли реальные учреждения, назначаемые для большинства, поставить в связь с университетом или вовсе отделить от него?

В Германии, несмотря на развитие реализма, университет остался все еще в прежнем виде, но факультеты в германских университетах и прежде имели одну научную связь; в них совет или сенат состоит из одних выборных членов всех факультетов; дела идут в министерство на утверждение прямо из факультетов,

даже некоторые из дел один факультет неохотно или вовсе не общается другому.

Во Франции факультеты составляют почти совсем отдельные школы (*école de médecine, école de droit*¹⁶). Но университет ни там, ни здесь не имеет ничего общего с другими высшими учебно-реальными заведениями.

Применить ли это к нам?|

:378

Я думаю, что и в этом отношении подводить все наши университеты под один уровень не следует.

Нам необходимо, с одной стороны:

Удержать в университете все элементы общечеловеческого образования и органическую связь наук.

С другой стороны:

Нам нужно усилить реальные учреждения, не нарушая, сколько возможно, этой связи наук.

Если бы мы захотели, в настоящее время, уменьшить скопление масс в университете, развлекая их в разные направления, то мы, может быть, удовлетворили бы потребностям общества, но лишили бы эти массы действия той образовательной силы, которая всегда присуща университету, и ничем незаменима.

Эта сила и зависит от органической связи наук и от воздействия одного факультета на другой; она существует, в этом нет сомнения; она действует и на избранных, и на большинство. Одни подвергаются ее влиянию сознательно, другие — бессознательно.

С этой стороны университеты еще долго будут пополнять недостатки наших средних учебных заведений, с которыми и должны оставаться в связи.

Поэтому, и высшие реальные учреждения, как вспомогательные факультетам, должны находиться также в связи с нашим университетом.

Мало этого: высшие реальные учреждения требуют у нас органической связи с университетом еще и по недостатку в образованных специалистах. Нам едва их достает для вакантных кафедр. Что же будет, если реальные школы потребуют их для таких предметов, которые можно бы изучать и в университетах, если каждому учреждению, например, понадобится отдельная профессура физики, химии, естественной истории, которая существует уже налицо в факультетах?

Но в каждом из наших университетов все условия этого соединения не могут быть выполнены одним и тем же способом и в той же степени.

Централизация университета только затруднит нормальный ход дела.

¹⁶ Медицинский факультет, юридический факультет.

Университеты столичные могут быть связаны с различными специальными учреждениями, служить им центром и вносить в их деятельность элементы общечеловеческого, научного образования. И тот, и другие выигрывают от соединения. Скопление масс в одном пункте прекратится. Одни науки могли бы изучаться в университете, другие — в учреждениях. А общечеловеческое образование, доставляемое университетом, влияло бы везде и удерживало бы специалистов от односторонности и рутинерства. Специальное образование, в свою очередь, направляло бы к положительности и серьезному труду. | Во Франции, уже давно, **:379** например, все столичные госпитали имеют в своих палатах профессоров факультета, и все приспособлены к практическому изучению специальностей медицины. А у нас эта связь почти вовсе не существует, и это в ущерб науке и специальному образованию.

В провинциальных университетах, при увеличении материальных средств, некоторые факультеты могли бы в себе самих развить реальные учреждения. Другие могли бы сохранить одно чисто научное призвание.

В одном университете разнородная масса слушателей могла бы искать на лекциях общего научного образования, в другом могло бы сосредоточиваться меньшинство для специального изучения науки в беседе с профессором и в особенных научных семинариях.

Все должно применяться к местным условиям, к местным потребностям общества и учащихся. Каждый университет пусть руководствуется своей программой. Я убежден, что только так, а не иначе, может для нас решиться университетский вопрос. Как бы ни были велики трудности, — я их хорошо понимаю, — но сделать университет равно и везде доступным и равно и везде полезным для меньшинства и большинства иначе нельзя.

Другой формулы соединения начал — чисто научного и прикладного — в одном и том же учреждении для нас нет.

Разделить то и другое, без вреда для тех и других, — избранных и масс — также невозможно.

Невозможно решить одним и тем же путем и вопрос о воспитательном значении университета.

Слово, имеющее смысл чисто материальный, — воспитание, — получило у нас другой смысл, и теперь сказать: я «воспитываю», а не «образую» можно только про дерево или про скотину. Остались слова: «учение» и «просвещение», которые отличаются от «воспитания», но не от «образования». А как воспитывать без образования и образовывать, не уча и не просвещая, — нельзя, то, стало быть, воспитывать, не уча, можно разве в таком возрасте, когда человек еще бессловесен.

Но и учить, не образуя и не воспитывая, также нельзя. Вся наша нравственность, правда, добро, свет — все учение. И учить,

не воспитывая, не образуя, значило бы не учить, а делать что-то другое.

Между тем, университет, как учреждение учебное, еще никто не признает, *eo ipso*, воспитательным, а требуют его таким сделать — значит, принимают, что можно учить, не образуя и не воспитывая.

Если скажут, что учить можно и худому, то на это ответ, что и воспитывать можно худо. Но учить — значит, по преимуществу, учить добру. Если же кто не отвергает, что учить, | не образуя, :380
нельзя, тот может только утверждать, что для воспитания учить — это мало; нужно еще что-то. Что же?

Что же другое, как не надзор, не присмотр. И весь вопрос вертится на том, как и над чем надзирать? Над тем ли, чтобы заправду учился тот, кого хотят воспитать? Ведь в учении все и есть. Воспитание без учения не может быть; тем более кто учится, тем более и образуется, тем более и воспитывается. Кто учится, тот и узнает, как и что нужно делать. Или этого мало, — учение идет и не впрок, — надо еще уметь исполнять то, что знаешь. То есть, надо, чтобы кто-нибудь и за этим надзирал, — значит, учил еще, как исполнять то, что знаешь — и должен знать, если учишься.

Такие учителя будут воспитатели *par excellence*¹⁷ в отличие от тех, которые учат только знать.

А такие воспитатели будут, ни более, ни менее, отцы, да еще какие! — которые выше учителей, потому что не только знают, но и знают еще, как делать, что знают. Или наконец, это будет сама жизнь. Разумеется, этих отцов и воспитателей не только в университете налицо нет, но и в целом свете немного. А жизнь впереди. И потому, за неимением, прибегают к действиям отрицательным, т. е., надзирают не за тем, чтобы было все хорошо, а за тем, чтобы не было слишком худо.

Это и значит полиция.

Итак, все воспитательное сводится на полицейское.

В другом смысле воспитательного университета нет, и быть не может. Играть и обольщать себя словами бесполезно.

Однако же есть, говорят, в Англии воспитательный университет. Про него чаще начали говорить, когда прочли Визе. — Но Визе, приписывая все хорошее в английских лордах университетскому воспитанию в Оксфорде и Кембридже, забыл одно — *habeas corpus*¹⁸. А это одно воспитывает англичан, — и не одних лордов, — не хуже всяких университетов. В английских университетах хорошо учат, — это правда. Но их способ учения в коллегиях, их тьюторы — хороши для меньшинства, для масс — не годятся. О реальном же, которое стало живой потребностью для университетов континента и которого нет ни в Оксфорде, ни в Кембрид-

¹⁷ По преимуществу.

¹⁸ Закон о неприкосновенности личности.

же, Визе как будто и знать не хотел. Визе не хотел также знать и о шашнях, которые там водятся, несмотря на закрытость заведения, на студенческий костюм и на обязательное посещение церкви.

Если английские коллегии так сделались славны славой их учеников, то этим обязаны они, кроме *habeas corpus*, еще и их способу учения, который потому и не дешев. Способ этот совершенно противоположен свободе учения германских университетов, на которую теперь, кроме Визе, и многие другие сердятся. Вот, следовательно, — мне скажут, — английская обязательность учения, экзамены, и т. п. нисколько не вредят ни таланту, ни любознанию. :381

Но обязательность в учении меньшинства, и еще избранного, может проводиться разумно, не иначе, как вникая в личности, заботясь о каждом; и талант, и посредственность от нее в выигрыше. Если бы учителей было столько же, сколько учеников, — было бы еще лучше. А, может, верх совершенства был бы, если бы все только и делали, что обязательно учили и учились. Все сделались бы учениками и учителями *ex professo*¹⁹. Вся жизнь превратилась бы в обязательное учение. Не нужно бы было ни воспитателей, которых и теперь нет, ни полиции, которой много. И то правда, что обязательным способом можно выучивать и не одно меньшинство. Всем, известно, что этим способом можно целые массы не только учить, но даже учить умирать стойко.

Но из защитников обязательного учения немногие мечтают о возможности учредить в России хотя что-нибудь подобное Оксфордскому или Кембриджскому университетам. Обыкновенно представляют себе обязательность так, или почти так, как прежде: т. е.: разделение на курсы, обязательный выбор предметов, годовичные или двухгодичные экзамены и т. п. И вместе с этим хотят удержать теперешний способ преподавания, взятый из немецких или французских университетов. Что же из этого выйдет? Преподавание свободное, а учение обязательное. Студент должен посещать лекции и держать экзамены, а на лекциях — он пассивный слушатель, и профессору дела нет, следит ли он и понимает ли он его лекции, или нет. И хотят уверить, что такая обязательность хороша.

Обязательное учение и экзамены действительно принесут пользу, если наши студенты, вместо занятий, по-английски, с тьюторами, — что для них слишком дорого, — составят, группируясь по различным предметам, отдельные кружки, а профессоры — отдельные семинарии, с обязательством для слушателей заниматься по известной программе. Тогда они будут играть активную роль на лекции и будут уже студентами, а не слушателя-

¹⁹ По своей специальности.

ми. Это обязательность не насильственна; она соединена с постоянной, самостоятельной деятельностью ученика; она сближает его с учителем и часто лучше соответствует и сущности предмета, и личности наставника, и способностям ученика. Для многих наук и многих профессоров другого способа и найти нельзя, если хотим, чтобы слушатели выносили что-нибудь с лекций. Но для множества и этот способ, и эта обязательность неприменимы. Ничто не препятствует | ввести его для преподавания известных :382 предметов в тех из наших университетов, в которых число слушателей незначительно. Стало быть, и в этом отношении нет надобности одному университету сообразоваться во всем с другими.

Итак, обязательность вообще несовместима с университетским учением, потому что для масс она легко переходит в бесплодную формальность, а для избранного меньшинства должна быть употребляема с осторожностью и большим знанием дела; иначе она вредит и свободному развитию научной деятельности, и развитию таланта.

Поэтому ее и нельзя принять как воспитательный элемент университета.

Вот почему я восстаю и против обязательных лекций богословия. Я от души желаю, чтобы все были истинными христианами; еще более желаю, чтобы религиозные истины и чувства укрепили молодое поколение; но я слишком уважаю и научное, и нравственное достоинство религии, и потому не желаю видеть кафедру богословия поставленной в университете для одного только приличия. Между тем обязательность непременно ведет к этому. Еще можно защищать обязательное учение там, где имеют целью формальное знание, которое можно навязывать насильно. Но никто, я думаю, не оправдает такой цели в учении богословия. Никто также не будет утверждать, что учредители этой кафедры в нашем университете имели в виду одну научную ее сторону; обязательность, соединенная с учением богословия, указывает на другую. А в неожиданных следствиях этой обязательности могут сомневаться другие, но не я. Причину печальной апатии к святому и безверие можно, если угодно, объяснять и другим образом, но я ее нахожу именно в том, что люди, приученные уже несколько к критическому анализу в науке, переносят невольно это направление и на учение, — основанием которому служит вера, — если это учение делают обязательным. Это-то убеждение, которому не противоречит и знание человеческого сердца, — и заставило меня сказать мое мнение, по долгу совести, — откровенно.

Теологические факультеты в католических и, особенно, в протестантских университетах можно действительно рассматривать как сильную оппозицию скептическому материализму. Но сила их не в обязательности, — которой там не существует. Они действуют, во-первых, научной стороной, допускающей глубокий

анализ и свободу изыскания (то, что немцы называют Freiheit der Forschung); во-вторых, — сближением слушателей, не замкнутых еще в одно сословие, и готовящихся к священнослужению и проповеди, с студентами других факультетов; в-третьих, — органической связью богословских наук с филологическими и историческими; в-четвертых, наконец, — сильным нравственным влиянием, которое оказывают представители богословских наук не только на учащихся, но и на целое общество. :383

Из этого следует, что внесение богословского учения в университеты, — с целью противодействия материальному направлению других наук, — требует отчетливого и глубокого изложения всех его элементов, в научной связи. Иначе оно представится, в глазах учащихся, чем-то отрывочным, слабым, не имеющим органической связи с другими предметами и, наконец, чисто формальным desoium, — если посещение лекций будет еще к тому обязательным для всех.

В какой мере можно всего этого достигнуть у нас, — я судить не берусь. Это — вопрос, требующий глубоких соображений. От решения его зависит не только будущность наших университетов, но и вообще судьба нашей русской науки.

Не зная этого, я считал своим долгом восстать только против худого, которое знаю и которое состоит в обязательном приличии.

Я не отвергаю, что и при существовании одной кафедры богословия высокая личность наставника может иметь свою долю благотворного влияния. Не скажу, всегда ли можно на это рассчитывать, но я убежден, что оно может обнаружиться не иначе, как при свободном учении.

Поможет ли паллиатив, состоящий в учреждении, вместо одной, двух или трех кафедр, — также не знаю; а потому удерживаюсь и теперь, как прежде, предлагать его. Предлагаю же устранить худое, которое знаю: это — обязательное посещение лекций для приличия.

Итак, ни обязательность учения вообще, ни обязательное посещение лекций, богословия в особенности, не сделают университет учреждением воспитательным.

Остается решить, можно ли этого достигнуть мерами полицейскими, с которыми у нас также соединяют понятие о воспитании.

Мысль учреждения университетской полиции, sui generis, весьма натуральна, хотя средневековые университеты, учреждая ее, едва ли имели в виду воспитательную цель. Это была не более и не менее, как одна из корпоративных привилегий. В Германии остались еще и теперь университетская полиция и университетский суд, потому что они имеют некоторые удобства и для университетов, и для городской администрации. Университеты мо-

гут распорядиться сами, без долгих формальностей и скоро, где нужно; городская администрация избегает неприятных столкновений с студентами и множества мелких судебных случаев. Студенты считают также приличнее достоинству учащихся не иметь никакого дела с полицией и судиться неодинаким судом с «кнотами». Хотя университетский суд и поддерживается взглядом на студенчество как на общество людей, еще не зрелых, легко увлекающихся, и т. п.,¹ но тут играют свою роль и сословные или корпоративные понятия, еще оставшиеся во всех средневековых учреждениях.

У нас, как известно, никогда не было настоящего университетского суда; была только университетская полиция, которая, в течение почти 30 лет, находилась в руках попечителя. Попечитель был собственно главный инспектор и начальник студентов. Все шло спокойно до последнего времени, и вопрос остался бы, если бы не обнаружили так называемые студенческие беспорядки. С ними вместе поднялся вопрос и о воспитательном значении университетов.

Какая причина беспорядков, которые выросли как будто из земли?

Устарела ли университетская полиция? Виноваты ли попечители? Молодежь ли испортилась, или ее набралось уже слишком много в университетах?

Эти вопросы обойти нельзя, — иначе и вопрос об университетской реформе, поднятый беспорядками, решить нельзя.

Я слышал много разговоров об этом. Одни обвиняли университетский устав, другие — молодежь, третьи — попечителей, в том числе и меня. К удивлению, весьма немногие обвиняли время. Иные смотрят на университеты, как на что-то отдельное, как на храм Весты. Положим, это — взгляд, приносящий честь и университету, и тем, которые так смотрят. Но на деле — и это немногие знают, — университет выражает современное общество, в котором он живет, более, чем все другие учреждения. Взглянув на университет глубже, можно верно определить и дух общества, и все общественные стремления, и дух времени. И наш университет выражает это еще более, чем все западные, потому что в нашем мало сословного и вовсе нет предания, или оно очень слабо. Разумеется, кто хочет по нем судить о состоянии общества, должен иметь в виду не одно положительное, но и отрицательное, т. е. судить не по тому одному, что есть, но и потому, чего нет в университете.

В университете два рода представителей: одни представляют степень просвещения и зрелости общества; другие — его молодость, его нужды, потребности, направление, взгляды, увлечения, страсти, пороки. Все сосредоточено в одном пункте и потому выказывается яснее и сильнее. Все оттенки выражаются на матери-

але, правда, еще не выработанном, но зато чрезвычайно емком и чувствительном. Это — положительная сторона университета. Чего в нем нет, того или нет в обществе, или то спит и не живет духовно. Это — отрицательная сторона, по которой тоже надо судить. Общество видно в университете, как в зеркале и перспективе. Университет есть и лучший барометр общества. Если он показывает такое время, которое не нравится, то за это его нельзя разбивать или прятать, — лучше все-таки смотреть и, смотря по времени, действовать. |

:385

Этот взгляд на университеты подтверждает история. Где политическая жизнь общества качается ровно, как часовой маятник, где политические страсти из высших сфер не доходят до незрелого поколения, там в университете выступает на первый план его прямое назначение — научная деятельность. Университет делается там барометром просвещения.

В науке есть свои повороты и перевороты; в жизни — свои; иногда и те, и другие сходятся; но все переходы, перевороты и катастрофы общества всегда отражаются на науке, а чрез нее и на университете. Вюртембергский профессор писал протест общества против злоупотреблений папской власти. На лекциях Фихте выражалась готовность нации восстать за свободу. О жизни и смерти говорил Биша, когда смерть гуляла по Франции вместе с гильотиной. Передовые люди, окружавшие короля прусского в 10-х годах нашего столетия, хорошо знали это, когда дали ему совет учредить новый университет (в Берлине) для выражения новых стремлений. Когда, после войны за свободу, началась новая жизнь для Германии и явилась мысль о единстве, — она тотчас же высказалась в ваттенбургском празднике буршеншафтеров.

Только там, где политические стремления и страсти проникли глубоко чрез все слои общества, они уже неясно отражаются на университете. Но чем более настагают они общество врасплох, чем менее оно привыкло к переходам и переворотам, тем сильнее выразится его настроение в университете. Во Франции едва слышно про него, во время политических реформ. В тех частях Германии, где быт общества открыт и установлен, студенты живут средневековой жизнью и не мешаются в политику, предоставив ее другой сфере; общество не мешается в их коммерши, дуэли и стычки с кнотами. Напротив, у нас, — едва повеяло новой жизнью, едва общество почувствовало новые стремления, — и тотчас же появились рефлексивные движения в университете. Но отражательные движения не могли быть целесообразны, и потому они перешли в беспорядки.

Анализируя эти беспорядочные рефлексии, нам нетрудно убедиться, что они не все в одинаковой мере были безнравны, бессознательны и беспорядочны. Их всех можно разделить на три рода. В одних проявляется только грубая сторона общества, в виде на-

сия; в других выражается, более сознательно, известная мысль, относящаяся до интересов студенческого быта; в-третьих, наконец, эта мысль имеет уже более обширное, более общественное значение. Все три, однако же, обнаружили под влиянием настроения, перешедшего из общества в университет. Везде действие проявлялось корпоративно. Везде обнаруживалось понятие о достоинстве, значении и силе корпорации. Так и поступкам насильственным, нарушившим общественный порядок, лежало в основании это же понятие, и как бы такой взгляд на коллективную личность корпорации ни был бестолков и ложен, он совпадает с развитием мысли о личном достоинстве во всем образованном обществе; самоуправство же было только его необдуманное применение. Сюда относились буйства и драки за нанесенные обиды одному или нескольким студентам. Шумные сходы и суждения о делах, касающихся до интересов студенческого быта, имели своим началом также вопросы об общественных интересах, возбужденные в наше время новыми потребностями и реформами. Сюда принадлежали вопросы о студенческой библиотеке (в Киеве), о кассе для бедных, о плате за учение, о лекциях некоторых профессоров. Наконец, третьи зависели уже от непосредственного перенесения общественных вопросов из общества в его новое поколение. Это делалось или невольно и почти бессознательно, или переносилось самим обществом, отцами — сознательно. В Одессе, в 1857 г., едва пришла весть чрез иностранные газеты «об улучшении быта крепостных людей», и студенты лицея первые собрались и пили за здоровье освобождающего и освобождаемых, — это пример невольного увлечения. Напротив, вопрос о национальности был перенесен в западных губерниях из общества и семейств, уже сознательно, на университетскую почву.

Известно, как при этих проявлениях старый порядок вещей оказывался несостоятельным. И университетская полиция, и влияние профессоров, и власть попечителей — все сделалось недействительным. Но если несостоятельность старого стала очевидна, то зато трудность придумать что-нибудь лучше стала еще очевиднее.

Еще в 1859 г. я представлял — на вопрос министерства — мое мнение о необходимости коренной реформы в университетской администрации. Я высказал тогда мое убеждение, что необходимо избрать одно из двух: или ослабить корпоративное начало, или правильно его организовать. Через два года после того на эту тему много писали и полемизировали. Не обошлось, разумеется, и без комбинаций. Но как бы ни решали и как бы ни комбинировали, не нужно упускать из виду главного — того, что успешность всех средств может быть только относительная. Они не уничтожают, и не могут уничтожить, причину; а покуда эта причина

будет действовать, до тех пор прямое назначение университета, учебно-научная деятельность, не будет соблюдена в ее ненарушимом спокойствии. Из этого, конечно, не будет следовать, что принятые меры негодны. Каждая из них может принести только известную долю пользы и при известных условиях.

Если увлечения, движения, беспорядки приняли характер корпоративный, то уничтожение корпоративного начала представляется, с первого же взгляда, самым надежным средством. Чтобы не спорить о словах, нужно согласиться, что студенческой корпорации в том смысле, как она понимается в германских университетах, у нас нет. Но где только собираются люди на продолжительное время, ввиду известной цели, да к тому же еще если их сближают возраст, воспитание и национальности, то там корпоративное начало уже есть непременно. Оно в нашем студенчестве имело, в некоторой степени, и юридическое значение, потому что было соединено с некоторыми правами. Если угодно, это были не настоящие права, а только снисхождение к возрасту и исключительному положению студентов в обществе (*status pupillaris*²⁰); но, тем не менее, студенты смотрели на это снисхождение как на привилегию. Сюда относились мундир и особая университетская расправа. С другой стороны, экзамены, курсы, обязательность учения, стипендии, казенный кошт также не мало пособили развитию корпоративных идей между студентами. Итак, естественно, для противодействия этим понятиям, нужно было, во-первых, уничтожить их внешнее основание, или формальную, юридическую поддержку, и, во-вторых, внести в студенчество другие элементы, которые ослабляли бы корпоративную связь. Это значило — сделать университет как можно более открытым и более доступным. Ни я и никто другой, конечно, не думал такими средствами совершенно уничтожить корпоративное начало; его причина бытия, его *raison d'être*²¹, — я сказал уже — лежит гораздо глубже. Я нисколько не имел и сангвинических надежд разом прекратить все беспорядки, причина которых лежит также глубоко и, притом, вне университета. Но, делая корпорацию бесправной, лишая ее законности, внося в нее другие элементы и уничтожая внешнее различие между студентом и гражданином, можно было надеяться, что дальнейшее ее развитие со временем прекратится. В этом отношении, я думаю, трудно оспаривать логичность предложенной меры. Слабая же сторона, очевидно, та, что, несмотря на все соображения, понятие о корпорации может еще сохраниться в большинстве учащихся, соединенных возрастом, целями, воспитанием и т. п. В таком случае, корпорация будет все-таки существовать, но уже совершенно незаконная, неор-

²⁰ Сиротское положение.

²¹ Смысл существования, смысл какого-нибудь явления.

ганизованная и вовсе устраненная от нравственного влияния университета.

Другое средство, казавшееся более воспитательным, была правильная организация корпоративного начала. Если успешность первого нельзя подтвердить никакими фактами, — пример Франции не соответствовал вполне — то зато практичность второго кажется доказанной на деле: у нас — дерптским и в Германии средневековыми университетами. Но, к сожалению, это только кажется. Для организации студенчества в правильную корпорацию нам неостанет двух главных условий: предания и нравственной супрематии организаторов. Будь они у нас налицо, то уже давно бы все было организовано само собой. В предании есть сила, организующая изнутри. А организовать извне мог бы тот только, кто пользуется глубоким нравственным доверием. Это, конечно, могла бы быть коллегия наставников. Но в наших университетах нравственная связь между этой коллегией и студенчеством была нарушена, и восстановить ее, — если она когда-нибудь восстановится, — могут только время и обстоятельства. А чтобы дать этой организации, — как этого, кажется, хотят, — еще другое, высшее, воспитательное значение, — о! для этого нужно многое и многое, чего у нас вовсе нет. Правда, сохранения порядка можно скорее достигнуть в университетских судах и расправах, которыми, пожалуй, также воспитывают. Но для этого устройства понадобится со стороны коллегии столько самоотвержения, столько нравственной силы, а со стороны студентов столько доверия и того, у нас незнакомого, чувства, которое прежде называлось *pietas erga praesceptores*²², что успокоительное действие этих судов и расправ у нас более чем сомнительно, по крайней мере, в настоящее переходное время. А правильно организованная корпорация студентов немислима без выборного начала и без суда, главным основанием которому служит не внешняя, а нравственная власть судей. Так, во многих случаях, университетский суд имеет дело не с отдельными лицами, а с целой корпорацией, и если у нее не будет ответственных выборных, то суд или ровно ничего не сделает, или действия его будут произвольны, случайны и возбудят непременно ропот и неудовольствие. Ответственные выборные необходимы также для удержания порядка, а главное, — если организация предпринимается с воспитательной целью, — для поддержания нравственного начала в корпорации, которой в известной степени должно быть предоставлено право судить о поступках ее членов. А это будет требовать студенческих собраний и сходов. Насколько у нас удастся дать им правильный вид и устранить все подозрительное, это опять решить трудно. С другой стороны, внушить доверие к суду в

²² Уважение, любовь к учителям.

молодежи, увлекающейся и смотрящей на все еще слегка, — дело не легкое. Университетский суд нигде не бывает инквизиционный; судьи решают обыкновенно по убеждению, и потому должны пользоваться чрезвычайным доверием, чтобы решения их признавались справедливыми и беспристрастными. А этого у нас достигнуть еще труднее.

Итак, введение и той, и другой меры представляет много препятствий. Решить а priori, которая даст более шансов на успех, невозможно. Стало быть, и здесь нельзя экспериментировать во всех университетах одним и тем же способом. | Можно ли, например, полагать, чтобы в многолюдном столичном университете удалось организовать, а в небольшом провинциальном — дезорганизовать корпорации? Можно ли организовать, не нарушая порядка, там, где национальности резко или враждебно стоят одна против другой, и, напротив, почему не испробовать этого средства там, где число студентов незначительно и где национальной разнохарактерности не существует? В одном университете, например, мне удалось, до известной степени, устройство судной комиссии; в другом учебном заведении довольно хорошо шел совестный суд между студентами. Но общего ничего нельзя сказать, и введение одной и той же меры везде не даст ожидаемых результатов, — особливо если будем ждать быстрого уничтожения следствий, тогда как причин устранить не можем.

Еще менее должно рассчитывать на успех, если ни одну из мер не удастся провести последовательно и всецело. Так, если студенты, за проступки в стенах университета, будут подлежать одному, а за проступки вне университета другому суду, то нравственное влияние первого будет ослаблено вторым; если корпоративное начало, с одной стороны, ослабится уравниванием прав и подчинением студента общей гражданской власти, а с другой, допущены будут сходки для обсуждения дел студенчества, или ежели вместе с судом гражданским признается необходимым и суд университетский, то понятия студентов об отношении их к обществу и университету сделаются сбивчивы и неверны; а за судом университетским останется не высокое нравственное, а одно карательное и внешнее значение.

Наконец, решить а priori, в какой мере окажется на студентах моральное влияние коллегии, обновленной через автономию, также невозможно. Сильной нравственной связи между коллегией профессоров и студентами у нас почти никогда не было. Замечалось иногда частное влияние даровитых личностей. Предание не соединяло целых поколений с университетом, как в Германии, Англии и у нас, в Дерпте. Настоящей университетской жизни также никогда не существовало. Счастливые воспоминания об «alma mater» не передавались из рода в род. Итак, трудно верить, чтобы новый порядок вещей, и при автономии университета, скоро

укрепил связь коллегии с студенчеством. А до тех пор нельзя и мечтать о воспитательном значении университета, которое только и держится этой связью. Если же и при таких условиях коллегия возьмет на себя ответственность перед правительством за сохранение порядка между студентами, то это будет готовность, которой нельзя не желать успеха. Но для этого коллегия, прежде всего, должна восстановить свое нравственное влияние, — а чтобы восстановить его, одной автономии мало; недостаточно также и личного влияния любимых наставников; не личное оно должно быть, а коллективное, и требует свойств в наше время редких: самоотвержения, без которого нельзя иметь дела с студентами; справедливости и беспристрастия, которые высоко ценятся молодежью; любви и уважения к молодости, без которых зрелый человек неверно судит, теряет терпение и ожесточается, смотря на поступки незрелого. :390

Итак, чтобы достигнуть успеха, нужно будет много времени, много дела и, главное, много знания дела. А покуда, нельзя не обратить внимания на одно важное обстоятельство, которое вредит нормальности всех проявлений нашей жизни. Это наше неуважение к факту... Мы смотрим на факты, действительно, как на поворотливые языки, как на пешки, которые можно передвигать с одного места на другое. Факт, сам по себе, без пикантной приправы, без интриги, для нас — такая мелочь, что не стоит о ней хлопотать. Поэтому мы лучше понимаем немецкую философию, чем самого немца, с его охотой к кропотливым исследованиям. Нам смешна его усидчивость в разыскании фактов. Она кажется нам следствием тупоумия и ограниченности взгляда. У нас, кроме лекций, нет другой оценки достоинству профессора. Учась, мы не интересуемся изучать скучный процесс фактического познания и не заботимся проследить тот механизм, которым дошел наш наставник до убеждения. Ни наши ученики не имеют охоты заглянуть в рабочую учителя, ни учителя — пригласить их туда. Нужно — или, после этого, скорее не нужно — удивляться, как туго идет у нас вообще вся фактическая сторона знания. У нас не было кафедры философии, и потому немудрено, что нет философов и мало людей, понимающих связь наук, значение университета и т. п. Но у нас почти нет и естественников, и физиков, и анатомов, и хирургов, хотя и не было никаких препятствий к изучению этих наук. Это, конечно, доказывает, что нарушение общей связи наук не идет в прок ни одной из них и что произвольно нельзя содействовать успеху одних, устраняя другие. Но, все-таки, это одно не объясняет анти-фактическое направление в молодом и свежем народе, а потому оно и знаменательно. От науки переходит это направление и в жизнь. Тогда как в политике образованных народов «un fait accompli» получает теперь все более и более значения, у нас совершившийся факт теряет и то, ко-

торым он пользуется у необразованных. Мы — на пути к отвлечению, все ищем смысла в факте и теряем свой, забывая, что осмысленный или неосмысленный факт, если только верен, так же важен, как опыт Гальвани над лягушкой, которого значение для общества тогда только поняли, когда сделали электрические телеграфы. Между тем, вся связь общества, все влияние одного поколения на другое и одной среды на другую основано на уважении к фактической стороне жизни. Взгляды и воззрения разделяют общество, факт — соединяет. Потому-то развить в новом поколении уважение к факту я считаю одной из самых главных задач нашего университета. :391

Децентрализация университета, разнообразность реформного эксперимента, неразрывная связь научного начала с прикладным и учебным, усиленное значение того или другого и направление, приспособленное к местным условиям, университет самостоятельный, но не иерархический, университет для большинства и меньшинства, автономия при рациональном контроле, *Lehr und Lernfreiheit*, доцентство, при гласности и общественном мнении, как оппозиция застою и nepoтизму, свободная конкуренция и конкурс, как средства к развитию доцентства и оценки научных заслуг, вознаграждение по личным достоинствам, а не по должностям, улучшение материальной стороны университетского быта, разделение звания от должности, обсуждение университетских дел в высшей инстанции не только путем бюрократическим, но и путем науки, зависимость нравственного значения университета от нравственного состояния общества, развитие уважения к факту, как задача университета, — вот программа, которую я предлагаю. Меры к ее осуществлению далеки от совершенства. Не это, однако же, меня беспокоит; я боюсь, что не сумел выразить мысли, и опять не буду так понят, как бы мне этого хотелось. Найдутся противоречия, особливо с тем, что я высказал в моих заметках на проект. Но писать замечания на чужое и писать свое, — это — не одно и то же.

Многим покажется, что я слабо отстаиваю улучшение материального быта наших университетов, которое, между тем, есть *conditio sine qua non* реформы.

Но я потому мало о нем распространялся, что, во-первых, считаю необходимость его слишком очевидной, а, во-вторых, потому, что не полагаю его единственным условием, устранивающим все другие.

Меня занимают более отношения университета к государству, обществу и науке. Не разъяснив, не определив этих отношений, нет возможности и установить верный взгляд на значение университета.

А от этого взгляда зависит и его будущность, и нормальность его отправления (функций).

Так, если отношения университета к государству и обществу должны быть утилитарно-вещественные, то университет теряет свою причину бытия, свой *raison d'être*, и распадается непременно на несколько специальных школ. Если напротив, эти отношения должны определяться стремлениями высшими и более духовными, то университет, для сохранения своего истинного значения, требует также непременно полной свободы научного исследования и учения.

Эта свобода, в свою очередь, легко рождает в государстве и обществе неприязненные взгляды на деятельность университета, и он легко заподозревается в стремлениях, противных принятому порядку вещей. Рождаются недоразумения и взгляды, вредные для жизни и будущности университета.

С другой стороны, если при существовании университета свобода научного исследования признается опасной для спокойствия и порядка в обществе и потому ограничивается различными мерами, то она, как жизненный атрибут науки, проявляется путем скрытым и противозаконным. А это развивает в деятельности университета стремления, еще более опасные, нередко антинаучные, соединенные с ложным пониманием, превратным толком и деморализацией целых поколений.

Если университет, признанный таким в государстве формально, но, с одной стороны, ограниченный в свободе научного исследования, а, с другой — не удовлетворяющий вещественным потребностям государства и общества, не будет поставлен в связи с другими, реальными, учреждениями, имеющими средства удовлетворить этим потребностям, но не оживленными духом науки, то значение его в государстве и обществе делается еще более шатким и сбивчивым, будущность — еще более сомнительной. От него требуют того, чего он не может дать.

Если, наконец, время и перевороты общественной жизни вносят в такой университет стремления, угрожающие порядку и самой науке, а быт представителей науки и порядка в университете, — т. е. посредников между государством, обществом и университетом, — не изменяется ни в материальном, ни в научном отношении, то университет приходит в ложное положение относительно государства, общества, науки и учащихся. А это еще более увеличивает неприязненность и сбивчивость взгляда на его значение. Все худое, в глазах государства и общества, обрушивается на науку, наставников и учеников.

Главная задача во всяком механизме — пользоваться силой, теряемой от трения. И в университетском вопросе главное — уменьшать трение и утилизировать силы, которые с ним пропадают. Мирить, уяснять и способствовать к распространению здоровых понятий о значении университета и его отношениях — я счи-

таю обязанностью каждого благонамеренного человека. Успел ли
я хоть сколько-нибудь ее исполнить — судить не мне. |